

К45 ⁵/₂₀₆

ИСЭ МОНОГАТАРИ

ПОВЕСТЬ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

632/3

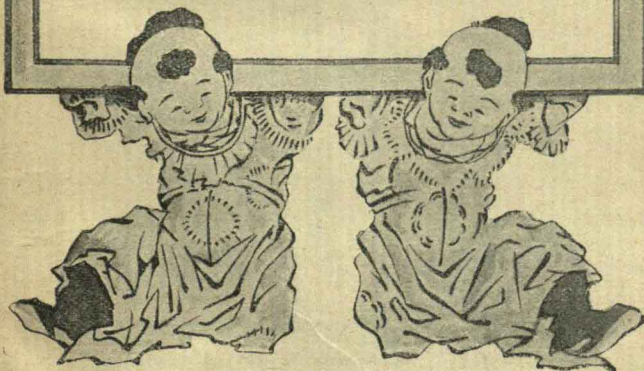
К 45 $\frac{5}{206}$

ИСЭ-МОНОГАТАРИ

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

ПЕРЕВОД И
ПРЕДИСЛОВИЕ
Н. КОНРАД

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

632/3

М

1087886

ИСЭ-МОНОГАТАРИ

ЯПОНСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

НАЧАЛА X ВЕКА

Гиз № 4777. — Петрооблит № 4507. — 5150 экз.

Российская Государственная Академическая Типография

I

ВОКРУГ ИСЭ-МОНОГАТАРИ

Существует целый ряд серьезных оснований полагать, что лирическая повесть под вышеприведенным наименованием появилась вскоре после 922 года нашей эры, т. е., что она принадлежит началу того X века, который дал Японии, японской литературе три произведения, знаменующие собою различные вершины художественного творчества в области изящной словесности этой страны.

В эти же, приблизительно, годы вышла в свет знаменитая «Антология» («Кокинвакасю» — дословно: собрание древних и новых японских стихотворений) — лучший памятник поэтического творчества Японии, собрание образцов известной Европе японской «танка», коротенького стихотворения в 31 слог; на рубеже следующего столетия стоит монументальный роман «Гендзи, блистательный Принц» («Гендзи-моноготари»), колосс японской классической литературы и по своему объему, и по художественной ценности. Эта триада во все последующие времена служила предметом самого внимательного и восторженного чтения, самого пытливого и настойчивого изучения и неустанных подражаний. И принадлежит она той эпохе в культурно-историческом развитии «страны Восходящего Солнца», которой суждено было в отно-

шении художественной литературы стать воистину «классическим», золотым веком, недостижимой вершиной литературного творчества — эпохе Хейан.

Самое название эпохи лучше всего вводит нас в ее сущность: «Хейан» — «мир и покой»; «Хейан-кё» — «город мира и покоя»; так именовалась столица того времени, нынешний город Киото, так именуется теперь в японской истории и весь тот период, когда этот город владел всей Японией, господствовал над культурой, играл первенствующую роль в жизни страны. И это название лучше всего оттеняет то характерное, что отличает Хейанский период от всех остальных; лучше всего подчеркивает ту его специфическую особенность, которая отсутствовала в японской жизни до него и которая вместе с ним надолго исчезла из японской истории и для последующих веков. Эта особенность и специфическое качество действительно и есть — «мир и покой».

Нет ничего более парадоксального в Японии, чем картина культуры этой эпохи: с одной стороны блестящее развитие цивилизации, высокий уровень просвещения и образованности, роскошь и утонченность быта и обихода; необычайное развитие общественных взаимоотношений, сложный и многообразный политический аппарат, процветание искусства и ни с чем несравнимый блеск литературы, а с другой — упадок технический и экономический, огрубение нравов, иногда граничащее с одичанием, невежество и воистину бедственное положение народных масс. В эпоху «Хейан» рядом стоят: варварство и утонченность, роскошь и убожество, высокая образованность и невежество, прекраснейшие произведения прикладного искусства и примитивнейший предмет обихода; изысканный экипаж и непроходимые дороги, блистательный дворец и убогая хижина, один цветущий город, распланированный по последнему слову строительной техники, и почти первобытные поселения; громко именуемые — «министры», «канцлеры», «гофмейстеры», «шталмейстеры», «статсдамы», «фрейлины» и т. п. — и население, фактически знающее только своих старшин, органически близ-

кое только к органам своей родовой власти. Век самых разительных контрастов, самых несовместимых противоположностей, равных которым никогда не знала японская история.

Как со стороны политической, так и с обще-культурной Хейан является органическим продолжением предыдущего периода, эпохой развития тех же начал, которые получили свое первое оформление еще в VIII столетии нашей эры, в так называемый период «Нара». Те же: синтоизм — этот национальный уклад мировоззрения и быта, сопряженный с различными формами мифологии природы и привходящими в нее элементами из мифологии культуры; китаизм — эта совокупность явлений и воздействий материальных и духовных, идущих от соседнего колосса на континенте Азии; буддизм — это коренящееся в Индии и прошедшее через тот же Китай вероучение, которому суждено было стать почти единственной достойной этого имени религией на Востоке; — все эти начала продолжали действовать и в течение четырех веков «Хейана» (IX—XII вв.), только, пожалуй, не в равной степени, не одинаково по своей силе и по своему значению и — что уж несомненно, не равноценно в отношении сфер своего распространения и приложения. Родной синтоизм принужден был, как отдельный элемент, отступить на задний план; на авансцену культуры выступили иноземные факторы, — и в первую очередь китаизм. Китайская цивилизация — вот что стоит ярко освещенным на арене «Хейана», что проникает собою большинство из того, что прежде всего бросается в глаза из характерного в этом периоде. За ней следует буддизм, но уже значительно отошедший от своей первоначальной сущности и содержания, ставший значительно более «мирским» по своим настроениям и действиям, чем то ему присуще было искони.

И в обратном, пожалуй, отношении было распространение этих трех элементов: оттесненный в сторону синтоизм оставался уделом большинства нации; достаточно прочно укрепившийся в предыдущую эпоху буддизм захватывал уже довольно значительные круги образованных классов; а тот китаизм,

который так ярко просвечивает в культурных памятниках эпохи, принадлежал почти исключительно верхнему сословию, верхушкам общества — аристократии и среди нее даже преимущественно придворным, — очень многочисленным, правда, но все же по необходимости очень ограниченным кругам. Из этого следует, что все, что мы называем культурой «Хейяна», т. е. то, что прежде всего становится заметным при обзоре ее и что оказывается для нее характерным, является плодом влияния китайской цивилизации, действующей в среде того сословия, которое имеет все основания быть названным аристократическим, в том же значении этого слова, которое придется ему в истории развития общественных форм человечества вообще.

Это господство аристократического сословия было и политическим, и экономическим, и культурным. Родовая знать, в течение предыдущего периода начавшая выходить из пределов патриархального строя, его уже изживавшая и тогда еще, под воздействием китайской культуры эпохи Танской династии (618—907), выдвинувшая идею организованного государства монархического типа, со столицей и областями, с центральным правительством и его местными органами; эта родовая знать, постепенно превращавшаяся из родовых старейшин в чиновников-бюрократов, получавших назначения и посты из рук правительства в городе Нара, — теперь, к эпохе «Хейян», и особенно в первые века ее, уже окончательно стала сословием, образовала верхний слой в уже становящемся единым народном организме Японии.

Процесс этнической ассимиляции разнородных элементов населения, процесс изживания и преобразования патриархально-родового строя привел к образованию единого народа; сохранившиеся со времен этого строя и развивавшиеся далее экономические и социальные взаимоотношения отдельных групп внутри этих родов привели к созданию различных слоев в этом новом народном организме, и верхним из таковых и была аристократия. Экономически она сохранила и в новом положении свое преобладание, благодаря владению большими земельными

угодьями, — родовыми или пожалованными, — поддерживала это преобладание использованием на государственной службе казенных средств; политически она главенствовала отчасти по прежней родовой традиции, отчасти с помощью ею же созданного государственного аппарата; культурно же — первенствовала отчасти в силу естественной преемственности от наиболее развитых и образованных верхушек прежних родов, отчасти же в силу своего политического и экономического могущества, давшего в ее руки все средства для усвоения чужого и развития своего: в ее руках были сношения с Китаем, с Кореей; к ее услугам был весь образовательный аппарат в самой стране и прежде всего на ее пользу обращались все те заимствования, материальные и духовные, и все те достижения на родной почве, которые на этом пути создавались.

Поэтому-то и вся культура эпохи «Хейян» принадлежит аристократии и поэтому-то она и носит такой специфически односторонний характер: все культурное творчество, сконцентрировавшееся в одном месте, среди немногочисленных сравнительно кругов населения, и достигшее здесь благодаря этой своей концентрации высокого напряжения, прошло мимо широких масс, не задело их; японский народ в целом оставался им не затронутым, в нем не участвующим и ему пока чуждым. Все то, что создавалось этим сословием, что им так любовно культивировалось, — было не для народа, ему не интересно, бесполезно и непонятно. Он жил своей собственной жизнью, жизнью в значительной степени особой; в его среде накапливались иные силы, которые потом привели к крушению этого «золотого века», к его полному переустройству в смысле как политических, так и социальных взаимоотношений, т. е. к системе так называемого сёгуната, организации господства нового, воинского сословия.

Такое чрезвычайное разобщение общественных верхушек с одной стороны и народных масс, с другой, выразилось в целом ряде характернейших для Хейяна явлений. Первым из них было необычное и доселе, и для будущих времен, противопоставление столицы — города Хейяна (Киото) — и провинции. Строго говоря,

во все эти столетия был один только город — именно столица, все же прочее едва ли достойно было называться этим именем. Как вся наиболее яркая и выявляющаяся культура сосредоточилась в среде одной аристократии, так и весь вновь созданный быт собрался, как в фокусе, в одном пункте — в Киото. За счет всей остальной территории развился этот город, как за счет всей прочей массы выступала аристократия. И как в ней, в ее среде эта концентрация действующих сил привела к созданию блестящей культуры, так и соединение всех экономических и новых бытовых потоков в одном месте привело к гипертрофии для этой эпохи самой роли и значения самого «города». Блеск Хейанской столицы сверкал яркими переливами на тусклом фоне всей прочей Японии; столица равнялась не по истории и экономике страны, но по Китаю: его столица, знаменитый Чан-ань — был прообразом для строителей и создателей Хейана, как такими же прообразами для всей организации государства были учреждения Танской империи. Блестящая, в значительной степени искусственно созданная и потом усиленно поддерживаемая правящим сословием столица, с одной стороны, и медленно, но органически растущая, идущая во многом по особому пути провинция — с другой, вот очередной контраст Хейана. И если культура этой эпохи в сущности являлась культурой аристократии, то в ином смысле она была истинным детищем хейанской столицы, ее взрастившей и ее заботливо хранившей — даже тогда, когда для ее актуального выявления было все уже кончено, т. е. когда, с воцарением нового режима, Киото, двор и группирующаяся вокруг него аристократия обречены были на бездеятельное прозябание среди уже отживших или отвергнутых традиций.

Вся культура в руках одного сословия и, в значительной степени, в пределах одного города. Каковы же были основной тон ее и характерное содержание? Ответить на этот вопрос нетрудно: вся хейанская литература — лучший материал для суждений об этом, и достаточно, пожалуй, прочесть нашу «повесть», чтобы и то, и другое стало совершенно ясным.

Как было уже сказано, китаизм в достаточной степени получил право гражданства на японской почве еще в предыдущую эпоху Нара (VIII век), когда была произведена попытка перестроить японский государственный и социальный организм по образцу соответствующих институтов Танской империи в Китае. Век Хейан получил в наследство эту организацию; основные положения ее сохранились более или менее неизменно: страна попрежнему считалась единой, принадлежавшей целиком одному монарху, родовых владений феодального типа еще не существовало; был правительственный центр и его органы на местах; — словом, вся та своеобразная, чуть ли не бюрократическая система, введенная еще в начале VIII века, худо ли, хорошо ли, но продолжала функционировать в течение всего «Хейана». Не было еще никаких сил, которые могли бы поколебать эту систему. Поэтому политическая сторона дела не стояла в центре внимания хейанской аристократии. Самое большее, что приходилось делать — это поддерживать и соблюдать установленную систему, временами вводить в нее легкие улучшения, изменения, и то касающиеся, главным образом, лишь внешних ее форм; помимо этого история пока еще не ставила никаких особенно серьезных политических задач, особенно в виду молчания и пассивности провинции, где процесс накопления новых элементов культуры и общественности находился пока еще лишь в эмбриональной фазе.

В виду этого, внимание высшего сословия оказалось свободным для других целей и других областей. Политико-экономический тыл был пока обеспечен, и можно было безопасно двинуться на завоевание новых сторон культуры. Китай дал и политику, и в значительной мере экономику. Танская эпоха блистала не только совершенной государственной организацией; она являла собою подлинный «золотой век» китайской художественной литературы, особенно в лице поэзии. В эпоху Танской династии вечную славу Китаю создавали такие колоссы мировой поэзии, как Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи. Термин «Танская поэзия» сделался на Востоке синонимом недостижимых высот по-

этического творчества и нарицательным для всего наилучшего в этой сфере. И японцы, вернее, хейанские аристократы, и столицу свою устраивавшие по моделям Чан-аня, и двор свой организовавшие по образцу двора Танских монархов, не могли не воспринять вкусов и нравов этого последнего.

Воинственный Тай-дзун — основатель династии, был еще крупным политическим деятелем, попадались и среди его преемников люди, заботливо относившиеся к политико-экономическим интересам своей эпохи, но длительная полоса затишья, тоже «мира и покоя» в стране, повлекшая за собою подъем цивилизации, скоро превратила Танских императоров в людей, искавших в жизни преимущественно лишь ее радостных и красивых сторон. Танский двор — наиболее блестящий и образованный двор, какой существовал когда-либо на Дальнем Востоке, был в эпоху своего процветания средоточием всего наилучшего, яркого и ценного в области мирной культуры и особенно в сфере искусства и поэзии, с которыми был неразрывно спаян и весь жизненный быт, весь обиход и уклад существования. Начала поэзии и искусства были руководящими и для поступков этих насквозь пропитанных эстетизмом людей, и для окружающей их обстановки. Имя Сюань-дзуна, Танского императора VIII в., является символом такого утонченного эстета на троне и в жизни.

Вполне естественно, что хейанцы, эти, в сущности, в недалеком еще прошлом полуварвары, познакомившись с этой стороной китайской цивилизации, с жадностью набросились на ее усвоение и с настойчивостью, поистине беспримерною, принялись за культивирование тех же начал и у себя на родине. И, вследствие наличности большой свободы действий в этом направлении, очень скоро (такова уж восприимчивость японского национального характера, тем более в области эстетической) весь этот танский эстетизм был перенесен на японские острова. Бо Цзюйи и в устах японцев стал окружаться культом и преклонением. Его поэмы стали для них каноном поэтического творчества, эмоциональное содержание поэм — средством для воспитания в себе самих утонченных чувств и душевных дви-

жений, а знаменитая «Поэма бесконечного ропота» (Чан-хэн-гэ) — источником бесконечных претворений: и поэтических — в стихах, и эмоциональных — в жизни.

Рядом с Бо Цзюйи по своему влиянию стояла известная китайская Антология «Вэнь-сюань», — собрание лучших образов различных авторов, служившая хейанцам чем-то в роде художественного евангелия, бывшая для них в значительной своей части и образцом совершенной законченности форм и насыщенности эстетизмом содержания.

Изучение 30 томов этой Антологии было обязательно для всех, кто хотел идти в уровень с веком, не отставать от общего направления жизни двора и столичного общества. И воздействие этих двух явлений — поэзии Бо Цзюйи и сборника Вэнь-сюань — на японскую литературу тех времен поистине не поддается учету. Однако, та же аристократия, так жадно впитывавшая в себя элементы китайского эстетизма, другой рукою способствовала дальнейшему укреплению буддизма. Буддийское вероучение и его представители встречали радужный прием как при дворе, так и в домах знатных хейанцев. Литература Хейана — в своей значительной части — носит на себе следы тех или иных буддийских элементов, то отражая какую-нибудь деталь буддийского устроения и мирозерцания, то рисуя картины буддийских священнослужений и обрядов.

Из больших эпических произведений этого периода — романов, повестей, а также из многочисленных дневников — мы знаем, насколько привержены были хейанцы к буддийской обрядности и как рьяно культивировали они, по крайней мере, внешние формы буддийского культа. Буддизм был принят в жизненный обиход, но, конечно, постольку, поскольку это не шло в разрез с общей тенденцией века, поскольку и буддизм мог способствовать укреплению и углублению того мироощущения и мировоззрения, которое было для хейанцев специфическим. И несмотря на многие, казалось бы, противоположности, этот хейанский буддизм мирно ужился, даже более того — соединился с тем, что шло от чистого китаизма в описанном духе.

Хейанский буддизм развивался в двух противоположных направлениях: экзотерическом и эзотерическом. И тому, и другому начало положили два знаменитых буддийских святителя Японии: Денгё-дайси и Кобо-дайси, оба жившие в начале Хейана. В равной степени значительные фигуры, как деятели и мыслители, — они были представителями двух разных типов буддийского мировоззрения; они являлись характерными выразителями тех двух умственных течений в буддийском учении о спасении, которые так или иначе отражаются во всех многочисленных разветвлениях буддизма в Японии. Если конечная цель духовной эволюции состоит в том, чтобы достигнуть приобщения к состоянию Будды, то пути к такому приобщению могут быть различны: или путь умственного подвига, путь неуклонного и старательного изучения закона, овладение все большим и большим знанием, постепенное продвижение до высших ступеней умозрения и просветленности; или же путь иной, и более простой, и более трудный одновременно: путь непосредственного постижения, путь прямого восхождения к желанному просветлению через озарение и духовный восторг, для которого изучение и труд оказываются лишь докучливыми и ненужными помехами. В первом духе излагает свое учение секта Тендай, призывающая верующих к такому постепенному овладению все высшими и высшими ступенями духовного знания, во втором — исповедывала свои доктрины секта Сингон, требовавшая лишь одного: чистоты тела, уст, мысли. И если для первой основным камнем был «закон», для второй важнейшую роль играл пракси́с, — в форме обрядов, формул, магических актов и т. п. Чрезвычайно характерно для Хейана, что в его времена методы Сингон пришлись более по душе, к ним прибегали чаще, чем к каким-либо другим, и даже сама секта Тендай для упрочения своего влияния принуждена была приспособиться к этому требованию жизни и многое перенять у той же Сингон в области обрядности и даже некоторых эзотерических элементов.

Таковы были составные элементы хейанской культуры. Столь разнообразные по своему содержанию и происхождению,

они тем не менее на почве Японии, на почве Хейанской столицы подверглись в значительной мере взаимному ассимилирующему влиянию. Не пестрый агрегат различных элементов в запутанной и беспорядочной их конфигурации, но в результате нечто единое и цельное видим мы в эту эпоху. И это единое и цельное есть именно то, что придает Хейанскому периоду Японской истории такую специфическую физиономию.

Основным принципом всех воззрений, жизни и деятельности Хейанцев, проходящим через все здание их культуры сверху до низу был эстетизм. Культ красоты во всех ее многообразных проявлениях, служение прекрасному — вот, что руководило хейанцами в их действиях и мышлении. В работе над созданием этого принципа соединились все культурные факторы века: и китайзм в лице своей изящной литературы и буддизм — своим приближением к красотам природы, своими пышными обрядами, торжественными богослужениями, роскошными одеждами священнослужителей и некоторыми сторонами своего учения. К утонченности звала китайская поэзия — сама столь изысканная, к этому же вел и буддизм, во многом требующий от своего адепта такой духовной утонченности. Поэтому вполне понятно, почему хейанцы достигли совершенства в этом смысле, почему среди них вырабатывались несравненные виртуозы не одной только поэзии и не одной только жизни, но скорей именно их органического соединения, синтеза: не в «танка» хоть и ловко сделанной, безукоризненной по форме и смыслу, вершина искусства какого-нибудь кавалера эпохи Хейан, и не в каком-нибудь его поступке, но в том и другом взятом вместе: опозитизированный поступок и претворенное в поэзию действие — вот в чем не знали себе равных хейанцы. И не будет преувеличением сказать, что ценность Хейана — не в его поэтических антологиях, как бы интересны они ни были, не в его многочисленных романах, иногда монументальных иногда представляющих ряд отрывков и записок, не в его интимной литературе — дневниках и заметках, — но именно в жизни и образе действий его представителей. Художественное про-

изведение эпохи не Гендзи, не Антология, и не наша «повесть», но проникнутая эстетизмом сама жизнь кавалера или дамы Хейанской столицы.

На ряду с этим эстетизмом в качестве основного признака эпохи следует поставить эмоционализм. Впрочем, этот последний был теснейшим образом связан с первым, вытекал из того же культа красоты, который составлял суть хейанского эстетизма. И опять-таки китайская изящная литература, ее утонченность чувств и иногда даже гипертрофированная чувствительность, тот культ чувства, который идет хотя бы от вышеназванной «Поэмы бесконечного ропота»; опять тот же буддизм, и особенно в своем эзотерическом облике, требующем такой эмоциональной напряженности, все это способствовало этому культу чувства. И сама обстановка двора, общество, весь уклад жизни этих аристократов являл как нельзя лучшую почву для развития эмоционализма, и недаром мы видим во всех литературных памятниках эпохи и в частности в нашем Нисэ-моногатари такой пышный его расцвет.

Однако, этот эмоционализм был введен в строгие рамки. Преклонение перед чувством вовсе не означало приверженности к бурным страстям и пламенным эффектам, к безудержному сентиментализму или героическому романтизму; от этого всего хейанцы были так же далеки, как и от ученого резонанства и скучных морализирований. Всякое чувство было введено в рамки эстетизма, подчинено его законам и требованиям. Не сила чувства, но его тонкость, не пламенность, но сконцентрированная сдержанность, не качество даже, а рафинированность, — вот что требовал эстетический кодекс Хейана. И напрасно мы стали бы искать в литературных памятниках эпохи героических подвигов, сильных душевных движений, мощных аффектов, — ничего этого нет. Есть лишь прихотливая игра утонченных настроений и сопряженных с ними действий. И это эстетическое исповедание заменило собою мораль. Отсюда шли задерживающие стимулы поведения: «некрасивое — не-

допустимо», так гласил неписанный, но категорический закон и отступления от него карались, если и не правосудием, то общественным презрением. Допустившие поступки, противоречащие этому закону, переставали быть «своими» для этого общества.

В такой эмоционально-насыщенной и эстетически-дисциплинированной обстановке не было места для логики, для упражнения интеллекта. Все, что допускалось из рационалистических мотивов, что признавалось и имело право гражданства, — это остроумие, блестящая игра ума, воспитанного на литературных образах и формах, изысканного в своих построениях и терминах. Сложный намек, трудный для расшифровки, проявление литературной эрудиции в смысле заимствования и умелого использования поэтического образа и выражений — вот что доставляло огромное удовольствие хейанцам и ими высоко ценилось. И многочисленные собрания во дворце, в салонах дам и кавалеров были в значительной степени посвящены таким переливам остроумия и эрудиции.

Вполне естественно, что в такой атмосфере весьма значительную роль стали играть женщины. Они были необходимым элементом всей жизни Хейана, на них и вокруг них концентрировался тот эстетизм и та эмоциональность, которые были разлиты кругом. Более того, они в большой мере и руководили этой жизнью, давали ей тон и направление. Уже до Хейана роль женщины в культуре была очень значительна. Женщина не была еще стеснена, как впоследствии, в своих проявлениях. И в сфере духовной культуры — в частности, поэзии еще в эпоху Нара женщины мало чем уступали мужчинам: столько стихотворений в поэтической антологии той эпохи «Мантёсю» — принадлежит именно женщинам поэтессам. С наступлением же Хейана женщина завоевала себе и в жизни, и в литературе первое и никем не оспариваемое место. Появляется ряд выдающихся женщин, одаренных литературным талантом; из под их кисти, на всякий случай жизни и в соединении со всякой эмоцией, льются бесчисленные танка; они ведут дневники, где отра-

жается так полно и подробно весь строй чувств и мыслей людей того времени; и они же описывают окружающую их действительность и запечатлевают события в романах, повестях и т. д. Державный «Гендзи, блистательный принц» — крупнейший роман эпохи принадлежит женщине — Мурасаки-но-Сикибу; «Нитимные записки» — другое славное произведение тех дней, вышло из под пера другой женщины — Сей Сёнагон. А участие их в Антологии «Кокинсю» обуславливает наличие в ней множества чудесных танка, считающихся безукоризненными образцами такого рода поэзии. Имя Оно-но-Комати — поэтессы начала X века — блистает ярким светом в созвездии «Шести бессмертных поэтов» (Роккасан) Хейяна.

Однако по одной уже Оно-но-Комати можно составить себе полное представление о всей той роли, которую играла женщина Хейяна. Комати славится не только как поэтесса, она знаменита на все века как образец женской красоты, и о чем вспоминают больше, когда говорят о ней теперь, установить трудно: так слились в ее образе эти два качества — поэтическое искусство и красота. В ту эпоху безобразие так же мало прощалось, как и грубость, невоспитанность, неумение в области изящного обхождения и поэтического искусства. Не даром о другом «бессмертном» из того же созвездия — Нарихира, молва гласит, что он был образцом мужской красоты. Блистательный принц Гендзи, герой романа Мурасаки, наделен и тем, и другим свойством; и в самом деле, поскольку мы знаем из литературных памятников и из других документов эпохи, из самой истории, — женская красота оказывалась тогда одним из наиболее могущественных факторов жизни. Среди утонченных и изощренных хейанцев, поклоняющихся красоте во всех ее проявлениях и всегда ищущих всюду стимулов для возбуждения своей эмоциональной природы, женщина с ее красотой и специфическим изяществом должна была играть особую роль. И эта роль была в конце концов столь значительной, что благополучие целых семейств и родов часто ставилось в зависимость от женской красоты. Господствующей в эпоху Хейяна аристократиче-

ский род Фудзивара держал с помощью женщины в своих руках царствующих императоров; с помощью их же многочисленных наложниц во дворце устанавливали и поддерживали свое положение знатные фамилии, и часто буквально все надежды какого-нибудь падающего аристократического семейства сосредоточивались на девушке из их среды, отличавшейся особой красотой.

Таков был Хейан, таков был стиль и тон жизни и культуры в течение почти четырех столетий. Естественно, что вся описанная обстановка, с одной стороны, содействовала появлению блестящей литературы, отражающей все специфические уклоны мировоззрения и строя чувствований, литературы, безукоризненной по форме и внутренней художественности, — с другой же, она создавала ряд невероятных контрастов в общем потоке исторического бытия японского народа. И если в одной стороне была почти гипертрофированная образованность и эстетизм, в другой — свивали себе гнездо огрубение и невежество. Устойчивых элементов для материальной и идеологической культуры всей страны в целом не было, и вполне понятно, что не по этой дороге в конце концов пошла Япония: самурайство, культ воинского духа и авторитарность гражданского типа — вот что стала культивировать страна в последующие времена. И все же именно от Хейяна идет тот японский эстетизм, который живет в японцах и теперь, и который так поддерживается и далее живыми для них литературными произведениями этой эпохи.

II

ИСЭ-МОНОГАТАРИ

Когда впервые познакомишься с произведением, носящим название «Исэ-Моногатари» то сразу же получается впечатление, что все оно слагается из ряда отрывков, совершенно законченных в своих пределах и друг от друга независимых. Количество их исчисляется в сто двадцать пять, хотя возможно насчитывать при иной редакции текста и на один больше. При этом начинает казаться, что и самый порядок этих отрывков, их взаимное расположение также не играет особенной роли: один отрывок как будто может совершенно спокойно стать на место другого, без всякого ущерба и общему смыслу произведения, и характеру самой его композиции. И японская критика в общем подтверждает и то, и другое впечатление: она говорит о возможности — в течение исторического существования «повести» — различных вставок, перестановок, касающихся не только отдельных фраз, но и самых отрывков в целом. Здесь не место конечно, обсуждать с русским читателем эти вопросы, почему я и постараюсь подойти к Исэ-моногатари с той стороны, которая представляется, как мне кажется, важной для его истинного понимания.

Начнем с анализа структуры каждого отдельного отрывка. Вопрос этот важен именно потому, что отрывок и претендует, и действительно играет самостоятельную в композиционном смысле роль. Каждый из них состоит из двух частей — прозаической и стихотворной. Обычно сначала идет проза — более или менее длительное накопление прозаических фраз, затем — сти-

хотворение и, если отрывок короток, — на этом все кончается, и лишь в более развитых эпизодах вслед за стихотворением идет еще новый прозаический элемент. В особо длинных отрывках после первоначальных фраз прозы идет стихотворение, чередующееся с прозой; их может быть несколько, причем прозаическая часть предшествует и заканчивает собою каждые из этих стихотворений. Таковы три типа отрывков. Самостоятельность их в композиционном смысле достигается различными приемами, из которых наиболее существенны два: в начале каждого отрывка стоит слово «мукаси» — русское «в давние времена», за которым следует обычно главное подлежащее всего последующего — слово «отоко» — «кавалер»; получается новый зачин: «в давние времена жил кавалер», — этими словами зачеркивается всякая формальная и реальная связь с предыдущим. Самостоятельность отрывка по отношению к последующему достигается иным приемом: последний раздел отрывка заключает в себе такое выражение сказуемости, которое грамматически и стилистически знаменует собою полную исчерпанность всего содержания, всю возможность такой сказуемости. Этот технический прием проходит сквозь все отрывки и делает их в морфологическом смысле совершенно независимыми друг от друга. Связь, если она и существует, приходится искать уже в ином месте, в смысловых соотношениях.

Очень многие из ученых японцев-исследователей Исэ-моногатари считали и считают, что центр тяжести в каждом отдельном отрывке лежит в его стихотворной части. Ведь стихотворения обязательно входят в состав каждого из них и, как будто, являются самым значительным элементом всего целого. Если это так, продолжает эта теория, то Исэ-моногатари следует считать не «Повестью», но книгой стихов, собранием ряда стихотворений, снабженных вводными замечаниями, попутными примечаниями и объяснениями, долженствующими облегчить читателю проникновение в истинный смысл каждого стихотворения, разъяснив при каких обстоятельствах, по какому

поводу, в какой обстановке было оно создано. Вся прозаическая часть Исэ-моногатари при таком взгляде не более, как пояснительные ремарки. При таком взгляде, конечно, падает вся ценность произведения, так как большинство его стихотворений размещено в различных поэтических антологиях того века, где многие из них также имеют свои, действительно объясняющие, ремарки. Все отличие Исэ-моногатари от этих мест заключается следовательно только в большом развитии этих пояснительных примечаний. Этим, на мой взгляд, уничтожается всякая художественная самостоятельность «повести», как особого произведения.

Однако, великая слава именно «повести», неизменно сопутствовавшая ей за все время ее существования, сама по себе опровергает такое мнение. Исэ-моногатари не сборник стихов, но вполне самодовлеющее художественное произведение, как нельзя лучше представляющее собою Хейан в его подлинной сущности: оно дает нам не картину быта, уклада, не философию, но является художественным адекватом своей эпохи. И в этом его ценность и непрерываемое значение. Сквозь эту призму может выясниться и композиционная сущность отрывков в отношении их двух составных частей: прозы и стихотворения.

Все сто двадцать пять отрывков в указанном отношении делятся на два основных типа, с различными модификациями проходящих через все произведение. Первый тип имеет исключительно эмоциональные задачи: в основе его композиции лежит одна определенная эмоция, она — источник целого и его подпочвенный питающий слой. Эта эмоция просачиваясь понемногу наружу, звучит сначала сдержанно — прозаическими фразами, обозначающими и ее постепенный ход и постепенное нарастание. Прозаическая часть отрывка, эти «введения», «примечания» и т. п. играют только эту роль: это — зачин эмоции и рамки ее разрастания. И когда это эмоциональное crescendo, все повышаясь, достигает своего порога, своего высшего напряжения, прозаические фразы исчезают, как уже

не могущие быть словесным адекватом этой эмоции: они переходят в мерную речь, и начинают звучать слова и размеры стихотворения. Стихотворение — всегда в форме танка, всего только естественный результат эмоционального хода, апогей эмоционального нарастания и, следовательно, его связь с прозаической частью, прямое вытекание из нее — поистине органическое. Вслед за этим возможны два исхода: либо автор так и оставляет свою эмоцию в такой доведенной до высших пределов силе, т. е. обрывает ее, чтобы придать ей большую значимость для читателя, либо же ведет свой прием теперь в обратную сторону — в нисходящем порядке. Слышно эмоциональное *diminuendo*, стихи сменяются прозой, мерная речь переходит в простую, эмоция вновь находит свой адекват уже в прозе и, наконец, она вновь уходит в глубину, скрывается под почву. И все целое отрывка, будут ли здесь две части или больше, представляет собою в этом смысле подлинное органическое единство.

Второй тип отрывков — иного характера. Эмоциональность и в нем — основной элемент всего построения, но она действует иначе. Она не поглощает собою, не впитывает в себя всю морфологию отрывка, она, так сказать, расплывается в этой последней. Отрывок приобретает повествовательное содержание, он рассказывает — и прозой, и стихами, и соотношение этих двух частей здесь уже иное: стихи могут заменить диалог, монолог, могут служить просто украшением. Конечно, основной закон первого типа и здесь скрыто присутствует, и здесь стихотворение является носителем эмоции по преимуществу, проза также и здесь готовит это стихотворение, к нему подводит, но все же весь композиционный уклад здесь иной.

Однако, и этим не исчерпываются все составные элементы каждого отрывка. Не только этой явной или скрытой, все поглощающей или только питающей эмоциональностью достигается органическое единство обеих частей отрывка и его завершенность, как целого. Исэ-моногатари не было бы произведением Хейана, и его автора следовало бы изгнать по крайней

мере в последующий период, если бы он не рассчитывал еще на один элемент, в самом произведении отсутствующий, но для него совершенно необходимый. Этот элемент — эмоция читателя, его реакция на прочитанное. Мы знаем по всему укладу Хейана, по его стихам хотя бы, по тому, как, при каких обстоятельствах они говорились, на что рассчитывались и пр., что эта ответная реакция читающего или слушающего подразумевалась, как необходимый, и не дополнительный, но равноправный элемент всякого поэтического творчества. Когда кавалер Хейана бросал даме при мимолетной встрече во дворце коротенькое стихотворение — «танка», то оно было совершенно не полно, его смысл и фактический, и эмоциональный был совершенно недостаточен, если тут не подразумевать ответное стихотворение дамы, ее соответствующую эмоцию. Поэтому большинство Хейанских стихотворений и главным образом тех, которые более всего построены на эмоциональном начале, — именно любовные, неизбежно требуют и сопровождаются «ответами», т. е. дополнительными стихотворениями собеседника. Этот закон можно проследить и на нашей «повести», где стихотворение кавалера почти постоянно влечет за собою «ответ» дамы, на который оно безусловно и рассчитывает. И это не просто «ответ» — это второй равнозначущий элемент единого поэтического организма. И поэтому необходимо утверждать, что любое стихотворение Исэ-моногатари в композиционном смысле теснейшим образом связано со своим «ответом».

Но так внутри отрывка, таково взаимоотношение находящихся в нем стихотворений. И так же все это и в другом аспекте. Все композиционное целое отрывка также имеет свой «ответ», но уже отыскиваемый не внутри произведения, а вне его: ответ кавалеру дает дама, на что кавалер и рассчитывает, произнося свою танка. Ответить автору должен читатель, на что автор также твердо надеется. Кавалер не заканчивает свою танка так, что больше не остается места для ее дополнения; его эмоция, не замыкаясь, занимает выжидательную позицию;

так точно и автор, — он, высказавшись, не захлопывает на этом дверей в тайники своего творчества, он ждет, он нуждается в привождении туда читателя. И не будет особенно парадоксальным сказать, что если читатель не сумеет этого сделать, дать такой ответ автору, Исэ-моногатари не кончено, его отрывки безжизненно повисают — неудовлетворенные и беспомощные — в воздухе. Лишь при наличии этих двух равнозначущих элементов — эмоции автора, вызывающей, и эмоции читателя, отвечающей, — складывается полнота любого отрывка, и он получает свою окончательную законченность.

Дальнейший анализ этого произведения ставит следующий очередной вопрос: в каком же отношении друг к другу стоят эти отрывки? Неужели все Исэ-моногатари только простая куча этих, хоть и художественных, но все же столь ограниченных в своей отдельной значительности кусочков-миниатюр. Так думали очень многие исследователи «повести», — но не так, думается мне, обстоит дело в действительности. Обратимся к самому тексту. После вступления — прозы, рисующего героя на пороге самостоятельной жизни: ему только что исполнилось совершеннолетие — идет ряд эпизодов, связь между которыми и взаимная зависимость вскрывается без особого труда. Отрывок II описывает начало одной — повидимому, главной — любви героя, начало той интриги, которую можно будет потом найти как связующий цемент среди многих эпизодов. Интрига эта — любовь героя к одной даме, согласно традиционному толкованию, будущей императрице Нидзё. Он — уже в столице, она — еще в безвестности, где-то в уединенном месте, хоть и очень близко от героя: по крайней мере, он с легкостью может ее навещать. Следующий затем эпизод может легко быть выведен из этого: в предыдущем уже стихотворении героя звучала легкая ревность, легкое опасение и укор по адресу своей возлюбленной. Это было в порядке хейанского любовного обихода, часто безотносительно к тому, имела ли ревность какое-нибудь реальное основание; любовный укор просто входил, как неизбежный элемент, в гамму любовных переживаний, которые без

него были не вполне разработаны. Так и здесь: нет никаких оснований полагать, что эта молодая девушка, пока еще живущая в неизвестности, уже вела себя как многоопытная придворная дама; к тому же чувство легко возникающей ревности так естественно в сердце столь юного героя.

Но вот героиня, как и подобало в те времена девушкам из благородных семейств, переходит из уединения к новой жизни, уже светской. Она также, повидимому, достигает своего совершеннолетия и должна быть при дворе. Мечта каждого родителя пристроить свою дочь ко двору в надежде, что она, быть может, обратит на себя внимание Микадо, со всеми вытекающими отсюда для ее семейства последствиями. И вот она попадает во фрейлины к вдовствующей императрице, ко двору, конечно, второстепенному, более тихому, но все же в столицу.

Любовь героя перешла в новую обстановку, — из тихого уединения в шумный свет, от идиллии, нарушаемой лишь собственными измышлениями — укорами и ревностью — к любви, уже могущей встретиться с противодействием этой обстановки: затрудненность свиданий, соблазн окружающего мира, в виде хотя бы возможности для нее приобрести иного, более блестящего поклонника. И вот эта юношеская любовь, бывшая доселе скорее просто увлечением, не представлявшая для него еще ничего серьезного, теперь, благодаря всем этим препятствиям, в своем естественном развитии становится все сильнее и сильнее и переходит в настоящую страсть. И тут случается неожиданное обстоятельство: она переезжает в другое место. Во дворце императрицы с нею встречаться еще было возможно, — в новом месте это уже очень затруднительно. Не будем гадать, что это за новое местожительство было у нее; ответов и предположений, одинаково вероятных, достаточно много; прием лишь самое последствие этого переезда.

Герой не может примириться с этим положением. И любовь его выход нашла. Не явно, так тайно; не через вход, так через двор-сад, перелезая через ограду, к тому же, к счастью, полу-

разрушенную играющими здесь детьми. Все было бы хорошо, если бы его посещения не были слишком часты; в конце концов его заметили: к пролому в ограде поставили стража, и возможность свиданий вновь отпала. Не будем опять тратить время на отгадывание, кто был этот «хозяин», помешавший скрытой идиллии, обратим внимание лишь на то, что горе и стенания кавалера в конце концов тронули и его сердце: в результате он решил изредка закрывать глаза и ничего не видеть. Поступил он иначе, он не был бы хейанцем.

Однако, юношеская страсть не хотела примириться с такою любовью под чужим надзором, к тому же, вероятно, и хозяин стал закрывать свои глаза все реже и реже, и в результате свидания вновь были очень затруднены. Поэтому герой стал всячески склонять ее на побег с ним, и дама, уже вкусившая всю сладость близости к возлюбленному, не могла на это не согласиться. Отрывок 6 передает нам в драматических тонах их бегство, погоню, рисует, как их, в конце концов, настигли и вернули назад так необдуманно поступившую девушку.

На этом заканчивается повесть о первом юношеском романе героя. При таком приведении отрывков 2—6 в связь получается целое повествование: с завязкой — в тихом уединении, на заре юности и того и другой; с развитием драматического положения — переезд в столицу, новое положение дамы, усилия кавалера; напряжением его до высшей точки — побег, рисуемый в самых выразительных красках; и развязка — уход дамы обратно и окончательная разлука. Все пять отрывков составляют таким образом небольшой цикл, и таких очевидных циклов много в Исэ-моногатари.

Начать хотя бы с дальнейшего: если первый отрывок можно было бы обозначить, как первую главу романа под наименованием «Пролог», если составить из пяти последующих глав вторую — «Юная любовь», то отрывки 7—14 объединяются в третью главу: «В изгнании». И при этом — это не новый совершенно зачин, это — только глава, ибо она является логическим развитием ситуации предыдущей. Герой в отчаянии от

своей неудачи. Столица ему уже противна, да к тому же и опасно немного в ней оставаться: а вдруг последуют какие-нибудь неприятности за такое похищение благородной девушки. И герой решает бежать «на край света». «Край света» для хейанцев недалеко: стоит только выйти за пределы их города; ведь весь мир сосредоточивался для них в его стенах. А если подумать о где-то там, на Востоке, лежащих провинциях, — то это уже подлинно «край света». И кавалер туда направляется. Его путешествие со всеми его эпизодами и настроениями и служит предметом изложения отрывков 7—14. Пусть читатель просмотрит сам и убедится в их очевидной преемственности.

Нет надобности вести такое исследование дальше: простора для разных сближений и догадок здесь слишком много, чтобы быть всегда уверенным в безошибочности своих построений. Укажу только еще на одну большую главу: это новый роман кавалера, героиней которого является принцесса — жрица храмов в провинции Исэ. Перипетии этого романа излагаются на протяжении восьми отрывков, с 67 по 74.

Из всего изложенного явствует только то, что первое впечатление полной разобщенности и независимости отрывков друг от друга в смысловом отношении совершенно неправильно. Более внимательное чтение обнаруживает в произведении отдельные циклы, группы отрывков, объединенных между собою общностью действия, сюжета и героев. Может быть возможно при достаточно упорном анализе вскрыть циклическое содержание всего произведения полностью, разложить его на отдельные главы, и даже больше, — поставить и эти главы во взаимную связь, словом, показать, что Исэ-моногатари — действительно повесть, с одним героем, единым планом автора, последовательностью в разворачивании сюжета и даже естественным органическим концом — старостью героя, рисующейся в последнем отрывке с его заключительным, предчувствующим смерть, стихотворением... — если бы это было в центре намерений автора. При несомненной наличности элементов скрытого

романа в указанном духе, автор не это имел прежде всего в виду: не спроста он так старательно отделял каждый отдельный отрывок, стараясь придать ему законченную и самостоятельную форму. Цель автора, как мне кажется, заключалась в том, чтобы на почве повествования дать не «книгу стихов», но «книгу эмоций», т. е. то, что в первую очередь ценилось людьми Хейана. Его главное задание состояло в том, чтобы дать нам картину эмоций во всем их многообразии и красочности. Поэтому-то для него в каком-нибудь эпизоде из жизни героя важна не его фактическая сторона, не связь с предыдущим и последующим, но его эмоциональная ценность. Важна эмоция, но не содержание; переживание, но не его причина. Поэтому автор, вместо деления на главы по содержанию, делит на отрывки по эмоциональному их характеру: виды и типы эмоций, с их многочисленными модификациями и подразделениями — вот принцип его композиционных приемов. И так как каждый отрывок, как я старался показать выше, являет собою такую законченную единицу, и так как последующий дает уже иной эмоциональный мотив, то вполне правильно будет поставить после первого морфологическую точку и начать второй обычным зачином: «в давние времена жил кавалер...»

Этим самым путем устанавливается и новое единство всего произведения: Исэ-моногатари ни в коем случае не «собрание» чего бы то ни было, стихов ли, или эмоций. Исэ-моногатари — цельное произведение, в основе которого лежит единая творческая личность автора, единый творческий план, и которое с точки зрения своей архитектоники являет не что иное, как технически совершенную разработку этого плана. «Повесть» — музыкальная пьеса, написанная на одну тему, с ее сложной и разнообразной разработкой. Основная тема — любовь, с ее неисчерпаемой многогранностью; литературная композиция произведения — словеснообразная разработка этой темы; сюжет, элементы «повести» — избранная форма, как в музыке и т. д., т. е. нечто, устанавливающее границы и пределы, а

также внешние контуры разработки; и, наконец, побочные темы, иногда контрапунктирующие, иногда звучащие как бы самостоятельно — темы: «природы», «дружбы». Такова канва Исэ-моногатари.

Очень сложна, как, впрочем, и следовало ожидать в эпоху Хейан, разработка первой основной темы. Перечитывая все произведение находишь всевозможные ее модификации. Главнейшими из них приходится считать: 1) тема любовного счастья, 2) тема разлуки, 3) тема любовной жалобы, 4) тема любовной тоски, 5) тема отчаяния, 6) тема любовного беспокойства, 7) тема любовных мечтаний, 8) тема любовного объяснения, 9) тема любовного оправдания. Подавляющее большинство отрывков с легкостью распределяются по этим именно рубрикам. Но каждая из них, этих производных тем, в свою очередь может расчлениваться на целый ряд оттенков: то это счастье простое и ничем не омраченное, с одним лишь стремлением удержать его как можно долее — первая модификация; то оно сопряжено с легким опасением за судьбу этого переживаемого наслаждения — второе изменение (сравни отр. 20 и 21). Тема разлуки может быть осложнена мотивами упрека, укора по адресу милой или милого (отр. 12), а то и проникнута какой-то горечью (отр. 53); впрочем, нередко и в разлуке блистает надежда на радостную встречу (отр. 34).

Тема любовной жалобы чаще всего выливается в форме сетований на судьбу, препятствующую достижению или удержанию счастья, а то и прямо упреков по адресу милого друга за жестокость, бесчувственность или измену (отр. 7 и 42). Очень характерно в этом смысле стихотворение, отр. 52, так напоминающее провансальскую «alba».

Переживание любовной тоски фигурирует в двух главных разветвлениях: то это тоска — томление по милому другу, — таково стихотворение 24 отрывка, выраженное в такой типичной японской образности; то это уныние — скорбь (отр. 44).

Громко и сложно звучит тема отчаяния — из за любви, конечно. То — это отчаяние с некоторым упреком по адресу

противной стороны (отр. 8), а чаще всего отчаяние при мысли о себе, о том, что будет или стало с собою самим по случаю неудачи в любви (отр. 4). Это же отчаяние может быть обращено и к свету, к внешним помехам счастью (58). Тема любовного беспокойства, вообще очень часто встречающаяся, может даже проскальзывать и в самый миг любви (отр. 36).

Мотив любовных мечтаний звучит то в форме общего высказывания своих грез (отр. 31), то — и последнее чаще — в форме грез — обращений к милому образу (отр. 13).

Часто звучит тема любовного оправдания, стремление защититься от несправедливо взводимых обвинений в неверности, жестокосердии и т. д. (ср. отр. 23). И наконец, очень многообразна тема любовного объяснения: вель так усиленно и с таким успехом практиковались хейанцы именно в этой области. Объяснение может быть вполне искреннее (отр. 9), или же просто проявление светской любезности (отр. 63).

Нет особой надобности показывать разработку прочих тем произведения; имея критерий читатель сам легко разберется в этом многообразном мелодическом материале. Остается сказать лишь несколько слов о названии произведения и его авторе.

Слово — «моногатари» означает «повесть» и имеет вышеописанный смысл. Слово же «Исэ», прилагаемое к первому, как определение, относится ближайшим образом к тем отрывкам, которые повествуют о приключениях героя с принцессой-жрицей храмов провинции Исэ (отр. 68—74). Существует предположение, что раньше эти отрывки стояли в начале произведения, и оно по ним и получило свое наименование. Автором повести по традиции, идущей почти от самых времен Хейана, считается знаменитый хейанский поэт Аривара Нарихира. Если нельзя определенно доказать принадлежность произведения именно ему, нельзя и опровергнуть эту традицию, которая — скорее всего — и должна быть хранительницей истины. Предлагаемый перевод сделан с общедоступного издания Исэ-моногатари фирмы Тюокан в Токио; Хёсяку Исэ-

моногатари, Токио, 45-й год Мейдзи (1912), на основании которого проставлена нумерация отрывков.

Принципов, положенных в основу перевода, очень немного, и они очень несложны: верность подлиннику в образах его, в последовательности этих образов и в эмоциональном их содержании. Поэтому я сознательно жертвую иногда правильным ходом русской фразы для создания того специфического эмоционального контура, который, как мне казалось, существует в японском тексте.

Эти положения, равным образом относящиеся к обеим частям подлинника — прозаической и стихотворной, — имеют особое значение при передаче на русский язык этой последней, где такая эмоциональность и сопряженные с ней образность, а также и весь композиционный уклад принимают особую важность. Здесь задача переводчика становится особенно трудной еще и потому, что большинство стихотворений или построено на образах, нам как-то чуждых, или же имеет в виду намеки, нам мало говорящие, или же основано деликом или частично на игре слов, звуковой, образной и т. п. И, наконец, при передаче японских «танка» на русский язык передо мной стоял все тот же старый вопрос о том — необходимо ли удерживать размер подлинника, т. е. давать пять строчек стихов, состоящих из определенного количества слогов каждая — 5, 7, 5, 7, 7, как это имеет место в танка, или же перевести все свободным русским размером. Из боязни чрезвычайной искусственности — при первом пути, и уклонения в перебивность — при избрании второго пути, я остановился на компромиссе: передавать точно на русском языке, почти в построчной последовательности — и образный ход японского стихотворения, и, главное, его эмоциональное развитие, задерживаясь там, где оно задерживается и как бы свертывается, не заканчивая там, где оно как бы остается недосказанным, и ставя эмоциональную точку там, где она слышится в японском стихе. Разумеется, критерием здесь могло служить лишь субъективное впечатление, собственное умение пойти навстречу автору, так сказать, выполнить отчасти его требова-

ние об «ответной эмоции», подразумевающей, конечно, полное понимание основной, эмоции и затем простое понимание духа японского языка, в его образности и стиле. Насколько он был способен к первому, насколько он умел второе, — переводчик сам судить не в силах. Лучше всего это мог бы решить сам предполагаемый им наиболее вероятный автор — Нарихира, для которого судьба его повести не может быть безразличной даже на «варварской» почве, и прежде всего к его изящной и изысканной тени с благодарностью и с просьбой о снисхождении обращает свой взор незванный им переводчик.

Н. Конрад

I

1

В давние времена жил кавалер. Когда ему надели первый головной убор взрослого мужчины¹, — он отправился на охоту-осмотр в селение Касуга у столичного города Нара, где у него были наследственные поместья.

В селеньи том проживали две девушки-сестры, необычайно прелестные и юные. Их подглядел тот кавалер сквозь щели ограды. Не ждал он этого никак, и так не подходило все это к старому селенью, что сердце его пришло в смятение. Кавалер оторвал полу охотничьей одежды, что была на нем, и, написав стихи, послал им.

Был одет тот кавалер в охотничью одежду из узорчатой ткани Синобу.

«С равнины Касуга
молодых фиалок на тебе

узоры, платье...

И не знаешь ты пределов
мятежным смутам, как и Синобу»².

Так сложил он и сейчас же им послал. Вероятно,
интересно показалось все это им.

А смысл стихотворения был тот же, что и в песне:

«Узорчатая ткань,
Синобу из Митиноку,
по чьей вине ты стала
мятежна так?... Ведь я
тут не при чем...»

Вот как решительны и быстры были древние
в своих поступках.

II

2

В давние времена жил кавалер.

Столица из Нара была уже перенесена, а новая
столица еще не была устроена, как нужно. И вот, как
раз в это время, в западных кварталах города прожи-
вала дама. Дама эта превосходила всех других. Превос-
ходила больше сердцем, чем паружностью своей³.
Как будто был у ней друг не один.

И вот тот верный кавалер, возвратясь со свидания
к себе домой, подумал что ли что-то⁴, но только так
сложил: время было начало марта, и дождь все время
накрапывал уныло:

«Ни бодрствую, ни сплю, —
и так проходит ночь...
настанет же рассвет —
весенний долгий дождь
и думы о тебе»⁵.

В давние времена жил кавалер.

Даме, в которую был он влюблен, пук послав морской травы, сказал при этом:

«Если б любила меня ты,
легли б мы с тобой в шалаше,
повитом плющем.
И подстилкою нам
рукава наши были б ...»⁶.

В давние времена, на пятой улице восточной части города, во флигеле дворца, где проживала императрица-мать, жила одна дама. Ее навещал, не относясь сперва серьезно, кавалер, и вот, когда устремления его сердца стали уже глубокими, она в десятых числах января куда-то скрылась.

Хоть и узнал он, где она живет, но так как недоступным ему то место было, снова он в отчаянии предался горьким думам.

На следующий год — в том же январе, когда в цвету полном были сливы, минувший вспомнив год, ко флигелю тому пришел он: смотрит так, взглянет иначе — не похоже ничем на прошлый год. Слезы полились, поник на грубый пол дощатой галереи кавалер и пробыл так, доколе не склоняться стал месяц; в тоске любовной о минувшем он так сложил:

«Луна... Иль нет ее?
Весна... Иль это все не та же,
не прежняя весна?
Лишь я один
все тот же, что и раньше, но...»

Так сложил он и, когда забрезжил рассвет, в слезах домой вернулся.

В давние времена жил кавалер. Под большой тайной он ходил в одно место вблизи пятой улицы восточной части города. Так как было это местом тайных посещений, то входил он не в ворота, но проникал через пролом ограды, который протоптали дети. Хоть и немного было здесь людей, но так как часты были посещения его, — хозяин заприметил и на троне той ставил каждой ночью человека сторожить, так что кавалер хоть и ходил опять, но — свидеться не в силах, домой возвращался. И вот сложил он:

«О ты, страж заставы
на моей тропе,
неведомой людям, —
если бы каждый вечер
ты засыпал...»

Так сложил он, и, услышав это, дама очень сильно возроптала. И хозяин разрешил.

В давние времена жил кавалер. Ему трудно было встречаться со своей дамой, но все же целый год он с ней поддерживал сношения; и вот, в конце концов, дама согласилась, и он, ее похитив, увел с собою под покровом полной темноты. И когда шли они по берегу реки Акутагава, про росинки, что лежали поверх травы, она у кавалера спросила: «Это что?»... Но путь далек был, ночь темна — чуть ли не место демонов то было, — и гром гремел ужасно, и дождь жестоко лил, отчего и кавалер, — к счастью, оказался здесь простой сарай, — туда даму, в глубь самую втолкнув, сам у дверей при входе с луком и колчаном стал, все время помышляя: «Скорей бы ночь прошла!» И его даму те демоны одним глотком и проглотили. «Ах!» — воскликнула она, но в грохоте раскатов грома он не мог ее слышать. Понемногу ночь светлела. Смотрит он... и нет той дамы, что привел с собою... В отчаянии затонал ногами кавалер, заплакал, но... делать было нечего.

«То белый жемчуг,
или что?» — когда спросила
у меня она, —
сказать бы мне: «роса», и тут же
исчезнуть вместе с нею».

В давние времена жил кавалер. Не в моготу стало ему жить в столице и ушел он на Восток⁷. Идя вдоль побережья моря между Овари и Исэ⁸, он, глядя, как встают все в белой пене волны, так сложил:

«Все дальше за собою
страну ту оставляешь, —
и все милей она.
О, как завидно мне волнам тем,
что вспать идут».

В давние времена жил кавалер. Тот кавалер стал думать, что больше он не нужен никому и, сказав себе: «Не буду больше в столице я, пойду искать такое место, где мог бы жить», — уехал.

В провинции Синано видит он, как дым вздымается с вершины горы Асама, и...

«О дым, что встаешь
на вершине Асама
в Синано.
Не дивиться ли должен
путник далекий, видя тебя?»

С самого начала с ним ехали друзья — один или двое. Знающих дорогу не было никого, и они блу-

ждали. Вот достигли они провинции Микава, того места, что зовут «восемь мостов». Зовут то место «восемь мостов» потому, что воды, как лапки паука, текут раздельно, и восемь бревен перекинуто через них; вот и называют оттого «восемь мостов». У этого болота в тени дерев они сошли с коней и стали есть сушеный рис свой. На болоте во всей красе цвели цветы лилий. Видя это, один из них сказал: «Вот, слово «лилия» возьмем и, букву каждую началом строчки сделав, воспоем в стихах настроение нашего пути». Сказал он так, и кавалер стихи сложил:

*«Любимую мою в одеждах
Изящных там в столице
Любя оставил...
И думаю с тоской, насколько
Я от нее далек...»*

Так сложил он, и все пролили слезы на свой сушеный рис, так что тот разбух от влаги.

Шли, шли они и вот достигли провинции Суруга. Дошли до «Яви» гор, и та тропа, идти которою им надлежало, была темна, узка ужасно, вся в зарослях. Все в замешательстве, и в мыслях: «В беду неожиданно не попасть бы нам...» — И вот подвижник⁹ им навстречу. «Каким образом вы здесь, на дороге этой?» — воскликнул он, и видят — знакомец их... Тогда в столицу ей, — той даме, — письмо кавалер с подвижником послал:

*«Ни на яву,
этих гор в Суруга
что «Явью» зовут,
ни во сне я с тобой
уж не встречаюсь».*

Увидели они гору Фудзи: был конец мая, снег же ярко белел на ней.

*«О ты, гора,
незнающая времени пик Фудзи.
Что за пора, по твоему, теперь,
что снег лежит, как шкура
пятнистая оленя, на тебе».*

Эта гора, если сравнить ее с тем, что в столице будет, как если б гору Хиэ раз двадцать поставить самое на себя; а формою своею она напоминала соли кучи на берегу морском. И опять они шли, шли, и вот, промеж двух провинций: Мусаси и Симоса — была река очень большая. Называют ее река Сумида. На берегу ее они столпились и, размышляя: «Ах, как далеко зашли мы», отчаянню предались, но перевозчик закричал: «Скорей садись в лодку. Уж темнеет...» и, усевшись, стали пересезжать. В унынии все: ведь не было ни одного из них, у кого б не оставалась в столице та, кого любил он. И вот в это время белые птицы с клювом и ножками красными, величиной с бекаса, носились над водой и рыбу ловили. В столице таких птиц было не

видно, и никто из них не знал их. Спросили перевозчика: — «Да, это же «птица столицы»¹⁰ ответил тот, и, слыша это, кавалер сложил:

«Если ты такова же,
как и имя твое, о «птица столицы», —
то вот я спрошу:
жива или нет
та, что в думах монах?»

И в лодке все пролили слезы.

9

В давние времена кавалер, скитаясь, дошел до провинции Мусаси. И вот он стал искать руки одной дамы, жившей там. Отец ее другому хотел отдать, но мать — той сердце лежало на стороне человека благородного. Отец — простой был человек, но мать — та была Фудзивара¹¹. Поэтому-то и хотела она отдать за благородного.

И вот она — жениху желанному сложив стихи, послала; а место, где жили они, был округ Ирума, селение Миёсино.

«Даже дикие гуси
над гладью полей Миёсино —
и те об одном:
«к тебе мы, к тебе!»
все время кричат»,

А жених желанный ей в ответ:

«Ко мне, все ко мне —
тех гусей, что кричат так
над гладью полей Миёсино, —
смогу ли когда-нибудь
их позабыть?»

В провинции такие вещи с ним случались беспрерывно.

10

В давние времена кавалер, на Восток страны уехав, послал сказать:

«Не забывай! Пусть между нами —
как до облаков на небе будет, —
все ж — до новой встречи. Ведь луна,
плывущая по небу, круг свершив,
на место прежнее приходит...»

11

В давние времена жил кавалер. Похитив дочь одного человека, он убежал с ней на поля Мусаси и на пути — ведь был он похититель — правителем провинции был схвачен. Даму скрыв в густых кустах, он сам сначала было убежал. Дама же, слыша, как по дороге шедшие: «Здесь в поле похититель» — траву поджечь собрались, в отчаянии сложила:

«О, поля Мусаси!

Вы сегодня

не горите.

И молодой супруг мой скрыт здесь,

здесь и я скрываюсь...»

И услышав это, люди и ее схватили и вместе увели.

12

В давние времена кавалер, бывший в Мусаси, даме, жившей в столице, так написал: «Сказать тебе — стыжусь, а не сказать — мне неприятно»¹² и на конверте сделав лишь пометку «стремена Мусаси»¹³, — так ей и послал, и влед за этим вестей не подавал, отчего дама из столицы:

«Тебе я доверялась

так, как тем

стременам Мусаси...

Не подаешь вестей ты — горько,

весть пришлешь — ужасно!»

Видя это, кавалер не знал, что делать от волнения.

«Скажу тебе — не хорошо,

не скажу — укору...

Мусаси стремена¹⁴.

Не в таких ли случаях и смерть

уделом людей станет?»

13

В давние времена кавалер как-то попал в провинцию Митиноку. Жившей там даме показался ли он — житель столицы — редкостным что ли, только она сильно им увлеклась. И вот эта дама:

«Вместо того, чтобы нам

от любви умирать,

не лучше ли парой

червячков шелковичных

стать, хоть на миг?»¹⁵

Даже стихи ее, и те отдавали деревней¹⁶.

Но все же, жалко стало что ли ему ее, — пошел он к ней и лег на ложе.

Еще глубокой ночью он ушел, а дама:

«Как настанет рассвет,

вот, брошу тебя я лисе,

гадкий петух!

Слишком рано запел ты

и дружка угнал моего».

Так сказала она; кавалер же, собираясь уехать в столицу. —

«Если б сосна в Анева

на равнине Курихара

человеком стала, —

сказал бы ей: пойдем со мной,

как вещь редкая, в столицу»¹⁷.

Так сказал он, и она в радости все повторяла: «Да он любил меня, любил»¹⁸.

14

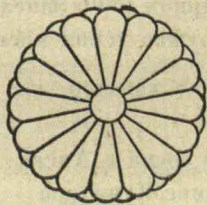
В давние времена кавалер в провинции Митиноку познакомился с дочерью одного незначительного человека, и, к его удивлению — она показалась ему совсем не такой, какою быть бы должна. Поэтому он:

«Гора «Любовных мечтаний!»

Ах, если б нашелся
путь тайный к тебе...

Хотел бы узнать я
сердца тайны ее»¹⁹.

Дама была счастлива беспрдельно, но... в таком варварском месте, — можно ли было что-либо сделать?²⁰

III

15

В давние времена жил человек по имени Ки Ари-дунэ. При дворе трех микадо последовательно служил он, и счастье по временам ему улыбалось, но потом — свет изменился, времена пошли уже не те, и хуже, чем у людей простых, стала жизнь его. Был человек он с изящной душой, с тонким вкусом и не в пример прочим — не имел забот о существовании; был беден он, и все же сердцем оставался таким же, как и раньше, во времена лучшие, — забот о делах житейских не знал он. Жена, с которой сжился он за годы жизни, постепенно стала отходить от него и, в конце концов, монахиней став, к сестре старшей, уже раньше постригшейся, ушла.

Хоть и не были их отношения очень близкими, но все ж теперь, когда ушла она, почувствовал он жалость; однако, беден будучи — не мог сделать всего того, что

нужно было²¹. В горе он своему другу, с которым по-
веряли они друг другу все, так написал: «Так и так...
Теперь вот отпускаю ее я — и ничего, безделицы ма-
лейшей ей сделать не могу». И в письме:

«Если бы по пальцам
подсчитать те годы,
что прошли у нас, —
все десять повторив
четырежды будет».

Друг этот, увидев это все, пожалел его и, отослав
все, что нужно, вплоть до одежд почных, сложил:

«Если даже лет
десять раз четырежды
прошло с тех пор,
сколько ж раз ей приходилось
в тебе опору находить?»

Так он сказал, и Аридуна к радости вдобавок²²:

«Это что? Не та ли,
крылатая — с небес одежда?
Она, конечно!
Тебе же — в одеянье
ее преподнесли»²³.

И, не будучи в силах сдержать свою радость, снова:

«Что это — осень?
Роса ли? Иль слезы
мои льются настолько,
что их принимаю
я за росу?»

16

В давние времена, один, целыми месяцами не по-
дававший вестей о себе, кавалер пришел посмотреть
на вишни в цвету, — и хозяин:

«Ненадежные»... имя
сложилось о вас,
цветы вишни.
А вот вы дождались
того, кто так редок в году...».

И в ответ кавалер:

«Не приди я сегодня, —
завтра б, как снег
опали они...
и пусть бы не стоял он, все же —
можно ль признать его за цветы?»²⁴

IV

17

В давние времена жила дама с сердцем, о себе мня-
щим высоко. Вблизи жил кавалер. Дама поэтом была,
и вот — чтоб его испробовать, — ветку сломив хризантемы
в полном цвету, тому кавалеру послала.

«Алость и блеск,
куда они скрылись?
На вид будто белый
снег на ветвях,
Так что и гнутся они...»

Кавалер же сложил в ответ стихи, как будто бы не
понимая:

«Алость и блеск,
и поверх их — белый снег, —
то, ветку сломившей, —
так кажется мне, —
не цвет рукавов ли?»²⁵

18

В давние времена кавалер, познакомившись с дамой
одной, в услужении бывшей у дамы высокой, служи-
вшей при дворе, чрез короткое время от нее отделился.
Так как жили они в одном и том же месте, он по-
стоянно был на глазах у дамы; но так как совершенно
он не замечал ее существования, дама:

«Что ж — ходишь ты теперь
так далеко, как в небе
облака?

Пусть так, но все же —
глазам твоим видна же я».

Так сказала она, а кавалер в ответ:

«Туда, назад, — все время
брожу по небу я...
И это оттого, что там,
на той горе, где жил я,
ветер так силен...»

Так сложил он потому, что у той имелись и другие
кавалеры²⁶.

19

В давние времена кавалер, познакомившись с дамой,
жившей в Ямато, стал ее навещать. И вот через неко-

торое время, — служил он при дворе, — домой вернулся и по дороге — был месяц третий, когда кленовые листья краснеют так красиво, — ветвь сломив, с дороги даме послал сказать:

«Для тебя, о друг милый,
рукой моей сломленная ветка
и весною даже
такою красной стала,
как в осень должно ей».

Так послал он ей, и ответ был принесен ему уже по прибытии в столицу.

«Когда же успел
бывший пышным цветок
так отцвести?
В твоей стороне, видно, милый,
уже не весна...»²⁷

20

В давние времена кавалер и дама были в самых тесных отношениях, и ничего иного у них на сердце не было. И вот почему-то, по пустякам, она разочаровалась в их союзе и, думая о том, чтоб ей уйти, стихи такие сложив, на месте видном написала:

«Уйду я от тебя
и — «сердце мелкое у ней» —
скажут люди...

Ведь не знают,
каков был наш союз!»

Написала, оставила и ушла.

Кавалер же, увидав эту оставленную ему записку, подумал: «Странно! Ничего не запомню такого, что бы должно остаться на сердце... С чего бы это она?» — и, заплакав горькими слезами, вышел за ворота, чтоб пойти отыскать ее там, где она; вышел, — смотрел сюда, туда смотрел, — но как он ни смотрел, не мог в толк взять того, где может быть она; вернувшись в дом:

«Лишенным смысла
стал наш союз!
А разве в шутку
с тобой в союзе долгом
хотел я жить?»

Так сказал он и предался тоскливым думам:

«Любила ль, нет ли
она меня, — не знаю...
Только образ
ее, в повязке драгоценной,
все время предо мною...»

Даме этой, — прошло уж много времени с тех пор, — немоготу что ль стало, только так ему сказать послала:

«Теперь бы только
одно лишь мне желанно:
чтоб ты не селя
в своем сердце
хоть семена травы забвенья!»

А он в ответ:

«Если б я только
услышал, что ты
хоть траву забвенья сеешь, —
тогда б я хоть знал,
что любила меня».

И еще, и еще... и вот — ближе, чем раньше, стали
друг другу они, и кавалер:

«Забудешь вновь!» —
всплывает мысль...
В сомненьях сердца
сильней, чем прежде,
грусть».

А дама в ответ:

«Как в небе чистом
облака плывущие бесследно
исчезают,

так и мой удел —
быстротечным станет».

Хоть и сказала так она, но все же вновь соедини-
лась с ним; однако отношения уж близкими быть
перестали.

21

В давние времена — любовь одна почему-то прерва-
лась, но все же от дамы — не забывала что ль она —
пришли стихи:

«Хоть и горько мне,
но все ж тебя
забыть я не могу!
И ненавижу я,
и все ж люблю».

Так сказала она, а кавалер: «Ах, вот как!» — поду-
мав, сложил:

«Свиданий? — Их нет.
Все ж одно — наши души:
как струи в реке,
что островком разделены,
за ним — опять одно...»

Хоть так и сказал он, но в ту же ночь отправился
и лег с нею на ложе. И, говоря о минувшем, о том,
что грядет, кавалер:

«Если бы долгая ночь
осенью была длинна,
как тысяча долгих ночей, —
пусть восемь их будет, и все ж
буду ли я насыщен?»

А дама в ответ:

«Пусть долгая ночь
осенью и будет длинна,
как тысяча долгих ночей, —
не останется разве, что нам говорить,
когда птички уже запоют?»

И с большей любовью, чем прежде, стал к ней ходить кавалер.

V

22

В давние времена дети двух семейств, проживавших в провинции, играть выходили у колодца. Когда они стали уже взрослыми, и юноша, и девушка, — они оба стесняться друг друга стали²⁸, но он лишь ее хотел в жены себе, она ж — о нем одном лишь помышляла и слушать не желала родителей, за другого ее отдававших. И вот от него, жившего здесь по соседству, пришло к ней:

«У трубы колодца,
колодезной трубы — мы меряли
свой рост — ты помнишь?
Подрос я с той поры,
как мы в разлуке».

А она в ответ:

«Чем мерялись с тобою мы, —
волосы, в две струи ниспадавшие

у меня уж ниже плеч.
И если, милый друг, не ты,
то кто ж их приласкает?»

Так переговаривались они и, в конце концов, стало по их желанию ²⁹. Но вот прошли годы, и родителей дамы не стало — и не стало у них опоры в жизни. «Сидеть здесь вместе, — может ли это повести к чему-нибудь?» — подумал кавалер и отправился в провинцию Коти, уезд Такаясу, где и образовалась у него новая связь ³⁰. Однако прежняя дама провожала его, и виду не подавая, что ей это неприятно, и он, заподозрев: «Не потому ли так оно, что есть у ней любовь другая?» — спрятался в садике перед домом, вид сделав, что в ту Коти отправляется, — и смотрит. Видит он, что дама, тщательно одевшись, в думках:

«Повеет ветер —
и встают белые волны
на взморье, о, гора Тацута!
Не в полночь ли милый
один идет через тебя?»

Сложила такую песню, и, ее услышав, он безгранично тронут был и перестал ходить часто в Коти.

И вот, редким случаем зашел он в этот Такаясу и видит, что та дама, имевшая сначала вид такой достойной, теперь неряшливо одетая, узлом замотав на затылке волосы свои ³¹, — отчего лицо казаться длин-

ным стало, — сама собственноручно держит ложку для риса и наполняет ею миску. Увидел это, и стало сердцу его неприятно, — так что и ходить к ней перестал. И потому та дама, глядя в сторону Ямато:

«В твою, о друг милый,
сторону я гляжу здесь одна.
Гора Икома! ³²
Вы, облака, не скрывайте
ее, хоть лил бы и дождь!»

Так сказала она, и как раз тот, из Ямато — «приду!» ей сказал. Радостно ждала она, но дни шли за днями, и дама —

«Приду» — ты сказал мне...
И ночи проходят
одна за другой.
А я все люблю
того, кто столь ненадежен...».

Но хоть и сказала так она, кавалер больше здесь уж не бывал.

В давние времена кавалер и дама жили в провинции глухой. Кавалер был должен ко двору на службу отправляться и, о разлуке сожалея, ушел. Прошел так год, другой и третий — и все не возвращался он, так что дама, ждать его устав, с другим, — человеком к ней

относившимся весьма заботливо и нежно, — сегодня в вечеру быть вместе стоворила³³, и как раз явился тот кавалер. «Дверь эту открой!» — стучал он, но, не открывая, она, стихи сложив, ему проговорила:

«Сменяющихся лет —
уж целых три я жду,
и ждать тебя устала...
И только в ночь сегодня
я ложе новое делю...»

Так ему сказала, а он в ответ:

«Лук «адзуса», лук «ма»,
лук «цуки», — их много...
Ну, что ж... Люби
его, как я
любил тебя все эти годы»³⁴.

Сказал он и собрался уходить, но дама:

«Лук «адзуса»... — Натянешь
иль нет его, но все же —
с начала самого душа
моя, как прежде,
тебе принадлежит»³⁵.

Хоть и сказала так, но кавалер ушел обратно.
В большом горе дама за ним вслед побежала, но на-

стигнуть не удалось ей, и у ручья с водою чистой ниц она упала. Там на скале кровью, с пальца взятой, она написала:

«Того, кто не любит,
кто ушел от меня,
удержать я не в силах!
Настал, видно, миг, когда жизнь
уж исчезнуть должна...»

Написала она, и не стало ее.

VI

24

В давние времена жил кавалер. Той даме, что не говорила ему ни «да», ни «нет» и все же его пленила, послал сказать:

«Пуще, чем утром рукав,
когда по полю осенью
чрез кусты проберешься, —
увлажена моя ночь,
что сплю без тебя».

А играющая в любовь дама — в ответ:

«Не знаешь ты, что я —
та бухта, на которой
нет морской травы...
Рыбак же неотступно
до изнеможенья бродит...»³⁶

25

В давние времена кавалер — в ответ человеку, который высказал ему свое сожаление в том, что он не смог добиться любви дамы, проживавшей в округе пятой улицы столицы, — сказал:

«Совсем неожиданно —
в рукаве моем волнение,
как в гавани большой...
когда туда приходит
корабль китайский»³⁷.

26

В давние времена кавалер, придя к даме на одну только ночь, потом уж больше не приходил, отчего родитель дамы, рассердившись, схватил бамбуковую плетенку у умывальника и в гневе отшвырнул ее; дама же, увидев в воде лоханки лицо в слезах, так сложила:

«Нет боле никого,
кто б так страдал,
как я, —
считала я, а вот —
здесь под водой еще...»

Так сложила она, — и тот, не приходивший к ней кавалер, услышав это:

«То — я там был,
что виднелся тебе в водоеме...»³⁸
И даже лягушки
на дне под водою
плачут со мной в один голос».

27

В давние времена играющая любовью дама ушла от
кавалера, отчего тот, в унынии:

«Почему же вдруг
так стало трудно мне
с тобой встречаться?
Ведь клялись мы с тобой —
ни капли не пролить!»³⁹

28

В давние времена приглашенный на праздник цветов к дамам придворным, служившим у матери принца наследного, бывший офицером конвоя — кавалер так сложил:

«Вдыхаю всегда
по цветам, не успев
ими насытиться вдосталь...
Но никогда еще не было так,
как в этот вечер сегодня!»

29

В давние времена кавалер той даме, с которой был
он едва знаком:

«Наши встречи с тобою
кажутся мне
единым лишь мигом,
но жестокость твоя
для меня — бесконечна».

30

В давние времена кавалер во дворце проходил мимо
покоев одной придворной дамы, и та, имела, что ли,
против ~~чего~~ что-либо, но только молвила: «Хорошо, хо-
рошо! Вот посмотрим, что станет с листвою травы»⁴⁰.

И кавалер:

«Если кто клясть станет
того, в ком нет вины, —
на нем самом «забвенья» —
как говорят — «трава»
взрастет!»

31

В давние времена кавалер той даме, с которой был
близок, годы спустя — так сказал:

«Ах, если б вновь
с пряжей клубок тот

минувшего нам намотать!
Если б ушедшее
вновь нынешним стало!»

Сказал он так, но она не почувствовала, видно,
ничего, что ли... ⁴¹

32

В давние времена кавалер навещал одну даму, что
проживала в провинции Цу, уезде Убара. Показалось
той даме, что он, на этот раз вернувшись к себе до-
мой, уж более, как будто, к ней прийти не думает, и вот
она — ему укоры, — он же:

«С камышей прибрежных
идет, все заполняя,
прилив — сильней, сильней...
Любовь к тебе, друг милый,
все так же возрастает!»

А она в ответ:

«Мысли сердца,
сокрытого, как в бухте тайной,
узнаю как я?
Весной, пожалуй, — тем,
чем двигают ладью...»

Слова эти принадлежали человеку, живущему в де-
ревне, и что ж — хороши ли, иль плохи они?

33

В давние времена кавалер даме жестокой:

«Сказать тебе — не в силах,
а не сказать — в волнении
я терзаюсь сам...
Да, время наступило,
когда душа лишь плачет!»

Вероятно, сказано им это после долгих дум.

34

В давние времена кавалер той даме, с которой
связь порвалась не по причинам сердца:

«Краткий миг свиданья
мы вместе завязали
узлом крепким...
И пусть в разлуке мы, —
потом ведь встретимся с тобою!»

35

В давние времена кавалер даме в ответ на слова:
«ты, верно, забыл уж» —

«По тесной ложине
до самой вершины
вьется лиана...»

«Конец» — говоришь ты, а я —
и не думаю вовсе!»⁴²

36

В давние времена кавалер познакомился с дамой,
любовью игравшей. Не уверен, что ли, в ней был он, —
но только:

«Если ты не со мной, —
не развязывай нижней шнуровки,
хоть и будь ты выюнком, —
цветочком, не ждущим
вечерних теней...»

В ответ она:

«Ту шнуровку, что вдвоем
завязали мы,
одна я, вплоть до встречи
с тобой, и не сумею,
видно, развязать!»

37

В давние времена Ки-Аридунэ, куда-то уехав, не
возвращался долго, и друг ему:

«Из-за тебя я привык
к думам тоскливым.
Не это ли люди,
что в мире живут,
«любовь» называют?»

И Аридунэ в ответ:

«Из-за меня, говоришь?..
Из-за того, кто и сам
столь неопытен, что
у людей спросить должен:
что ж такое любовь?»

38

В давние времена жил микадо — микадо Сэийн по
прозванию. Августейшую дочь его звали Такаико.
Принцесса эта скончалась, и в ночь похорон кавалер,
живший рядом со дворцом, взглянуть собираясь на них,
с дамой вместе — в ее экипаж усевшись — сюда подъехал.
Долго он пробыл, а похоронная процессия все не вы-
ходила. Вздыхая, готов был он уже прекратить ожи-
дание, и здесь, в этот миг, известный повсюду, как
любвиный игрец, Минамото Итару, который явился
также сюда посмотреть и, экипаж кавалера приняв за
дамский, к нему приблизился и всячески старался игру
начать, — в миг этот Итару, светлячка поймав, его
бросил к ним в экипаж.

Сидевшая там дама, опасаясь, как бы при свете свет-
лячка ее не увидали, его потушила. А сидевший с ней
кавалер:

«Процессия выйдет — и все
на свете этом для принцессы
окончится: ведь свет погас...

Ты слушай плач: неужли годы
уж все для ней прошли?»

А Итару в ответ:

«Да, в самом деле, слышу,
как жалобно рыдают...
Но то, что свет погас —
вот этого уж я
не знаю, право»⁴³.

Так он ответил. Для стихотворения первого в свете
любовного игреца — это было, поистине, обыкно-
венно.

VII

39

В давние времена юноша один влюбился в женщину, дурного ничего собой не представлявшую. Родитель — деспот был у него и, опасаясь, что их любовь придет к завершению своему, эту женщину собрался изгнать из дома⁴⁴. Решил он так, но все же пока еще не изгонял. А тот ведь сыном был, — влияния не имел еще и остановить его не мог. Дама также — как звания низкого — сил не имела для борьбы.

И вот за это время любовь их становилась все сильней, сильней...

Как вдруг родитель эту женщину изгнал из дома. Кавалер кровавые лил слезы, но помешать не мог.

Увели ее, и дама тем, кто шел назад⁴⁵ —

«Если он спросит:
доколе
вы проводили меня, —

до «реки» неустанных в разлуке
«слез» — вы ответьте ему!»

А кавалер — в слезах весь — так сложил:

«Если отвращенье, —
кому же будет трудно
расстаться с кем-нибудь?
Для меня же пуше
печаль теперь, чем раньше...»

Так сложил он и впал в беспамятство, — родитель же не знал, что делать. Решал он, полагая, что дело здесь в простом; он думал, что таким оно быть не могло, но так как тот на самом деле чувств лишился, в смятении, стал давать различные обеты.

Сегодня в сумерки лишился чувств тот, и на другой лишь только день, в час пса, наконец в себя пришел.

В старину вот как любили молодые люди, а нынешние старцы — как-раз так, что ль, поступают?

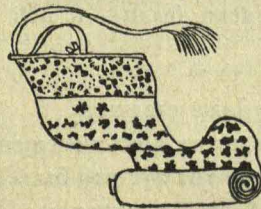
В давние времена жили две дамы — родные сестры. Одна имела мужа из звания низкого, и бедного, другая — благородного, и с состоянием. Вот та, что имела мужа незнатного, в последних числах декабря⁴⁶, одежды вымыв верхние, сама сушить их на шесте развешивала.

Желание большое было у ней, но непривычна к столь низкому труду она была и, платье надевая на шест сушить, в плечах его порвала. Не зная что делать, только плакала и плакала она⁴⁷.

И вот, тот благородный кавалер, услышав это и сочувствием сильным к ней проникшись, послал ей то, что бросилось в глаза в миг тот первым — прекрасную одежду особ шестого ранга⁴⁸ и при этом —

«Когда фиалок
цвет густой темнеет,
на поле всем вдали,
растений разных глазу —
не отличить!»⁴⁹

Смысл здесь, повидимому, тот же, что и в стихотворении: «На равнине Мусаси»⁵⁰.

VIII

41

В давние времена кавалер, зная и зная, что дама та играет в любовь, все ж сблизился с нею. И, не смотря ни на что, приятной ему была она. Часто ходил к ней он, и все же беспокоился сильно; однако перестать ходить не в силах был; и так однажды дня два или три — помехи были — к ней не пошел он; и тут ей так он:

«Даже след мой,
след от моих посещений —
все тот же, что был...
А чьей уж тропой
стал он теперь?»

Так сложил он из подозрений к ней.

42

В давние времена жил принц, принц Кая по имени. Принц этот, пристрастный к дамам, к ним относился у себя при дворе с благосклонностью особой.

Была одна средь них очень красива, и не давала прохода ей молодежь. «У ней — лишь я один!» — так думал один из них; другой же, узнав об этом, письмо ей посылая, модель кукушки изготовил и...

«Селений, в которых
поешь ты, кукушка,
так много!
Сторонюсь от тебя я,
хоть и люблю...»

Так сказал он. Дама ж эта, ему желая угодить:

«Кукушка та, лишь о которой
сложилось имя так,
сегодня утром плачет...
Ведь в стольких хижинах от ней
так сторонятся люди!»

Время было — месяц май. И кавалер в ответ:

«Во многих хижинах... и все же —
кукушке этой верю!
Вот если б только голос
не смолк ее в селении,
где я живу...»

В давние времена жил кавалер. В провинцию назначенному другу проводы желая устроить, он позвал его к себе. Близким человеком был тот, и кавалер жену свою заставил чарки подносить, а в подарок одежду женскую решил отдать.

И вот, кавалер хозяин, стихи сложив, жене дал прикрепить к одежде той у места поясицы ⁵¹:

«Для тебя, о, уходящий
друг, с себя я сняла
одежду — скорбь!
И без них я даже
теперь останусь» ⁵².

В давние времена жил кавалер. Нежно любимая дочь одного человека — как бы перемолвиться хоть словом с этим кавалером — все помышляла. Высказать все это трудно было, верно, ей, и заболела она. Уж при смерти сказала: «Вот, как я думала» — и, услышав отец про это, весь в слезах кавалеру все передал, и тот в смятении прибежал, но девушка уж умерла. В тоске, унынии захирел он.

Время было — конец июня, были дни жары ужасной. Вечером играла музыка ⁵³, а ночью слегка повеял прохладный ветерок. Светлячки высоко взлетали вверх. И кавалер тот лежал, на них смотря:

«Светляк летающий!
Ты доберешься
до неба самого, — скажи
ты гусям диким там, что здесь
осенний ветер веет».

«Сумерками дня
летнего, который
не хочет так темнеть,
с тоской гляжу я и невольно
грустно мне...»

В давние времена кавалер имел очень хорошего друга. Думали оба они, что ни на миг друг от друга не отойдут, но уезжал тот в провинцию ⁵⁴, и с горестью сильной расстались они. Месяцы шли, и в письме, присланном другом: «Как грустно! С тобою не видимся мы; время проходит... уж не забыл ли меня? в отчаянии ужасном я помышляю... сердца ведь людей в этом мире: с глаз лишь долой — сейчас и забвение».

Так он писал, и в ответ кавалер:

«С глаз долой — говоришь?
Так не кажется мне...
Ни минуты одной,
чтоб забыл я тебя, —
облик твой предо мной».

В давние времена у кавалера была дама, о которой нежно он помышлял: «Ах, как бы!...», но однако дама, про кавалера слыша, что он ветрен, все более бесчувственною становилась и ему сложила:

«Говорят, что много
рук, что зацепляют
у большой нусы.
Люблю тебя и все же
не верю я тебе»⁵⁵.

А кавалер в ответ:

«Нуса большая... слава
такая создалась...
Ведь и струй течение
в конце концов находит
себе, как говорят, порог...»

В давние времена жил кавалер. В виду имея устроить проводы другу, он ждал его, но тот не приходил, и кавалер:

«Теперь я знаю,
что такое горечь!
Теперь без промедленья
туда, где ждут меня,
ходить я буду!»

В давние времена жил кавалер. Сестра его младая была красива очень, и он, наблюдая ее играющую на кото⁵⁶ —

«Юность и свежесть, —
корень на вид
так благороден!
В мыслях: кому же придется
травку младую связать...»⁵⁷

А она в ответ:

«Травке младой,
зачем эти слова,
необычные столь?
Ведь открытым таким
тебя считала она...»

В давние времена жил кавалер. Ревнуя сам ревнующую его даму, он —

«Пусть возможно
нагромоздить раз десять
яиц десятки, —
можно ль верить
сердцу женщины?»

проговорил, а та —

«Пусть будет,
что росинки утра
останутся и днем...
Но кто ж будет верить
мужчины чувствам?»

И кавалер снова —

«Пусть возможно, что вишен цветы,
хот ветер и дует,
не осыплются с прошлого года, —
увы, трудно верить
женскому сердцу!»

А дама снова в ответ —

«Еще безнадежней,
чем цифры писать
на текущей воде,
любить человека,
что не любит тебя!»

Эта дама и кавалер, что так состязались друг с другом в сравнениях неверности, были, верно, в тайной связи.

50

В давние времена кавалер при виде того, как один человек в саду перед домом хризантемы сажает, сказал:

«Посадить — посадишь,
но осени не будет, —
и не зацветут они.
Цветы и опадут, но корни
они засохнут ли?»⁵⁸

51

В давние времена жил кавалер. От одного человека ему прислали разукрашенные рисовые пирожки, и он в ответ:

«Кувшинки срывая
для меня, ты, о друг,
бродил по болоту.
Охотясь на поле, теперь
и я для тебя постарался»⁵⁹

проговорил и послал фазана.

52

В давние времена кавалер встретился с дамой, с которой так трудно встретиться было, и — в то время, когда еще говорили друг с другом они, запел петух.

«Что это значит,
что поешь ты, петух?
Ведь в сердце моем,
что не знает никто,
еще темная ночь...»

В давние времена кавалер даме, бывшей жестокой,
сказать послал:

«Итти — я не иду к тебе...

И вот скитаюсь
по стезям сновидений...

На рукаве моем то — что же:
роса ль с пространств небес?»⁶⁰

В давние времена кавалер, не успев добиться той
дамы, в которую был он влюблен:

«На вид ты уж больше

не любишь меня...

Но все ж каждый раз,
лишь слышу слова от тебя, —
верится им!»

В давние времена кавалер лежал — тосковал, вста-
вал — тосковал и от чрезмерной тоски —

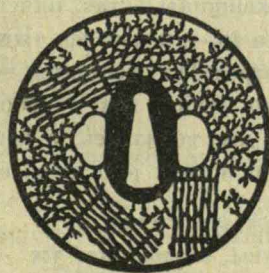
«Рукав мой — не шалаш
ведь из травы...

А все же, —
стемнеет только лишь —
росы приютом станет».

В давние времена кавалер, любовь тайную имевший,
жестокой даме:

«Отчаявшись в любви, —
себя гублю я сам!

«Из-за себя» — как червь,
живущий в водорослях, где
и жнет его рыба»⁶¹.

IX

37

В давние времена с легкомысленным сердцем в любовь играющий кавалер, построив дом себе в месте, называемом Нагаока, там поселился. В дворце там, по соседству, жили женщины — так, ничего себе...

Деревней было то, — и кавалер, жнецов послав на поле, стоял — смотрел. Тут женщины со словами: «То дело ли того, кто любит так в любовь играть?!» — гурьбой за ним в дом ворвались, а кавалер, бежав от них, во внутренних покоях дома скрылся. Тогда они: —

«В заустеньи...
увы, столько лет уж
жилище!
И вестей о себе,
кто здесь жил — не дает».

Так сказали они и продолжали толпиться тут. Тогда кавалер:

«Да, увы, заросло
травой сорной жилище
в заустеньи это...
И вот на мгновенье
столпились демоны тут»⁶²

Так проговорил он, а они ему опять: «А мы — подбирать колосья!» Тогда он:

«Когда я услышу —
отчаявшись в жизни, что вы
колосья собираете,
пойду и я, пожалуй,
с вами на поля!»⁶³

38

В давние времена кавалер, что-то имея против столпы, задумал поселиться на «Горе Восточной»⁶⁴ и —

«Не в мочь мне стало жить!
Пришла пора... отправлюсь
себе искать приюта
в селеньях гор,
где б мог себя сокрыть!»

Итак — он сильно занемог, был на краю смерти, но брызнули в лицо ему водою — жизнь вернулась...

«Поверх меня — роса
лежит... Что это? Брызги
с весла ладьи,
что перевозит
через реку небес?»⁶⁵

Сказал, и жизнь к нему вернулась.

В давние времена жил кавалер. Он был занят придворной службой, и сердце его было неверное, отчего жена его обратилась к человеку, ей обещавшему: «Тебе я буду верен», и с ним в провинцию уехала. Кавалер этот отправился посланцем в храм Уса-Хати-ман'а⁶⁶ и, услышав, что она теперь женой чиновника в одной провинции, на обязанности которого лежало принимать послов, ему сказал: «Заставь жену свою мне чарку подавать, — иначе пить не буду». Когда та чарку подала, он, взяв на закуску поданные померанцы, Так сказал:

«Когда я вдыхаю
аромат померанцев,
ожидающих мая, —
чудится прежней подруги
рукавов этот запах...»⁶⁷

Так сказал он, — и она, все вспомнив, стала монахиней и удалилась в горы.

В давние времена кавалер дошел до Цукуси⁶⁸ и, услышав, как за занавесью говорят⁶⁹: «О, он любит любовь. Повеса он». —

«Если перейдет кто
реку «Сомегава»,
что есть «река Окраски»⁷⁰ —
не может быть, чтоб цвета
не было на нем»⁷¹.

Сказал он, а дама в ответ:

«Если б было все — как имя,
то ветрен должен быть
наш «Забавы остров».
А говорят — напрасно
он прозван так...»⁷²

В давние времена кавалер годы целые вестей о себе не подавал, и дама — разумной, видно, не была она, — склонившись на слова пустяшные другого, служанкой стала у него в провинции; и тут пришлось ей выйти к тому, — своему прежнему знакомцу, — подавать обед. Волосы длинные свои она уложила в шелковый фуляр⁷³, а на себя надела одежду, длинную с узорами Тоёма. «В ночь эту ту, что здесь была, — ко мне пришли!» — кавалер хозяину сказал, и тот ее прислал. «Меня не узнаешь ты?» — кавалер сказал и...

«Прежняя прелесть,
куда она скрылась?
Как вишня, ты стала,
цветы у которой
совсем облетели...»

Проговорил он, а она, стыд ощутив, ответа не дала ему, и когда тот к ней вновь: «Что ж не отвечаешь ты мне?» — она сказала: «Слезы льются — и глаза мои не видят, и сказать что-либо не в силах я». Кавалер тогда:

«И это она,
та, что бежала
от свиданья со мной?
Годы прошли, а жестокость ее —
будто растет все!»

Сказал и, одежду сняв, ей подал, но она, раздрав ее — бежала. И куда ушла — не знают...

62

В давние времена дама пожилая, но в сердце еще хранившая пристрастие к житейским наслаждениям, думала: «А, как бы познакомиться мне с этим столь чувствительным кавалером!» Но случаев удобных высказать свое желанье у нее не было, почему она собрала своих сыновей и им рассказала свой, будто бы, сон. Из них двое дали ей решительно бесчувственный ответ, а третий разгадал ей так: «Сон приведет к тебе хорошего кавалера», и вид у дамы пожилой был очень довольный. «Все другие лишены чувства. Как бы познакомиться ее с этим Дзайго-Тюдэ» — было в мыслях сына. Он встретил его на охоте. Взяв коня под уздцы,

он сказал ему: «Так и так, вот в чем дело». Тот сжался и, к ней отираившись, лег с нею. Но вот, после этого кавалер тот показываться перестал; отчего дама, придя к его дому, стала подсматривать сквозь щели ограды. Кавалер, заметив ее, сказал:

«До ста лет —
одного лишь не хватает!
Водоросли-кудри...
Облик этот предо мною, —
видно из любви ко мне».

Сказал он и, приказав оседлать коня, поднялся уходить. Видя это — та, не разбирая терновников, шиповников, — в смятении побежала и, домой придя — легла. Кавалер же стоял и тайком подсматривал, что делала дама; видит: она лежит и вздыхает...

«Значит и сегодня
одна без милого в ночи
лежать я буду!
Лишь подостлав одну одежду
на узком ложе».

Проговорила она, и кавалеру стало жаль ее; и он ночь эту с нею спал.

Вот пример того века. Любил ли даму он, или не любил, но сердце было у кавалера, что разницы не показывало этой.

В давние времена кавалер, — в виду того, что дама не вступала с ним тайком в сношения, в волнении: где она? — сложил:

«Если бы стал я
веющим ветром, —
за жемчужные завеси,
щель отыскав,
постарался б проникнуть!»

И дама в ответ:

«Неуловимым ветром
хоть и стал бы ты, —
в жемчужных занавесках
кто б тебе позволил
щель найти?» ⁷⁴

X

64

В давние времена жила дама, что была любимцей микадо и имела разрешение на цвета ⁷⁵. Была она двоюродной сестрой той фрейлины, что была матерью микадо. Во дворце служивший кавалер — из Аривара ⁷⁶ — еще очень юн был и с этой дамой был знаком.

Кавалеру разрешались еще покои дам ⁷⁷, и он, уходя туда, где была дама, около ней все время пребывал. «Это невозможно! И ты погибнешь сам... Не поступай так!» — говорила дама ⁷⁸, а он:

«Любви уступила
осторожность моя...
И если так будет, но с тобою зато
встречаться могу я, —
пусть будет!»

Сказал... и она в свой собственный покой ⁷⁹ ушла, — но он еще пуше, — не остерегаясь хоть бы того, что люди их увидят, к ней в покой пришел. Отчаявшись

совсем, дама в дом родной уехала. А тот: «Вот, хорошо!» подумав, туда к ней стал ходить, и люди, об этом слыша, все кругом смеялись.

Ранним утром, как видал управляющий дворцом, он возвращался во дворец, сам снимал обувь и внутрь, на место ее бросал⁸⁰. Все время непристойно так вел себя он, и судьба его должна была пропасть так понапрасну, так что кавалер этот, поняв, что в результате погибнет он, — к богам⁸¹ и буддам воззвал: «Как-нибудь сдержите вы это мое сердце!», — но чувствовал одно, что возрастает все более оно; чувствовал одно, что любит безудержно... Тогда, позвав кудесников и чародеев, ушел, чтобы свершить обряды очищения от наваждения — чтоб любовь прошла. Очистился уже, — а тоски размеры еще больше возросли. Он чувствовал одно: сильнее любовь его, чем была раньше...

«То очищенье,
что в реке «Омовенья» свершил,
чтоб не любить мне,
увы, оказалось
неугодным богам!»

Лицо и вся наружность микадо прекрасны были, и когда дама слышала, как на заре он, приив в свое сердце будды святое имя, голосом столь величавым призывать его изволит, горькими слезами обливалась: «Такому государю, и не служить... Вот жребий неудачный, вот печаль! Им -- тем кавалером — связана я вся...» — так говоря, рыдала.

Пока происходило так, микадо услышал об этом всем и — кавалера в ссылку сослал, а даму — фрейлина, ее сестра, из дворца⁸² удалила и в сарае родного дома в наказание заключила... И она, в сарае заключенная, рыдала.

«Из-за себя» — как имя
того червя, живет что на траве
морской, что жнет рыбак...⁸³
Навзрыд рыдаю, —
на свет же не ропщу».

Так плакала она, а кавалер из места ссылки в ночь каждую сюда являлся⁸⁴) и, на флейте красиво так играя, голосом прекрасным столь жалобно пел песни. Поэтому она, заключенная в сарае этом, что тут он, знала, но свидеться, конечно, не могла.

«Как-нибудь все же...»
ты думаешь, верно.
Печально так это...
Не знаешь ты, значит,
что есть я — и нет».

Так думала она. Кавалер же, не видаясь с дамой, бродя вокруг, так пел:

«Без толку ухожу
сюда я... возвращаюсь...

Причина все одна:
влечет меня желанье
тебя увидеть!»

65

В давние времена у кавалера было в провинции Цу поместье, и он, с собою взяв и братьев, и друзей, по направлению к Нанива отправился. На взморье глядя, он увидел, что там суда и —

«Тебя, порт Нанива, сегодня
вижу я, и в каждой
из твоих трех бухт — ладьи...
Не те ль ладьи, что этот свет,
гнушаясь им, переплывают?»

Все в восторг пришли и домой возвратились.

66

В давние времена кавалер в феврале месяце отправился на прогулку в провинцию Идзуми, захватив с собою друзей. В провинции Коти увидели они гору Икома, облака на которой, то скопляясь, то рассеиваясь, вздымались неустанно. С утра — облачно было, днем прояснилось. Снег ярко-белым покровом лежал

на ветвях деревьев. При виде этого один лишь из всех тех путников сложил:

«И вчера, и сегодня
кружитесь вы, облака,
и скрываете все...
Видно, не по сердцу вам
леса из цветов»⁸⁵.

XI

67

В давние времена кавалер отправился в провинцию Исэ.

Когда он проходил по побережью Сумнеси, в селеньи Сумнеси, уезда Сумнеси провинции Цу, было так красиво, что он сошел с коня и шел пешком. Один из путников сказал, воспевая побережье у Сумнеси:

«Дикие гуси кричат...
Цветут хризантемы...
То — осень, и все же
весной среди всех берегов
Сумнеси побережье!»⁸⁶

Так сложил он, и никто больше стихов не стал слагать⁸⁷.

68

В давние времена жил кавалер. Кавалер этот отправился в провинцию Исэ в качестве «охотничьего посла»⁸⁸. Родительница принцессы-жрицы послала ей сказать⁸⁹: «Встреть и принимай его заботливей, чем прочих послов». Так как были то слова родительницы, принцесса-жрица приняла его очень радушно. Утром она отпустила его на охоту, вечером поместила в своем дворце. Во время этих радужных забот они заговорили друг с другом. На вторую ночь кавалер стал уговаривать во что бы ни стало ночью им друг с другом повстречаться. И дама с своей стороны не была склонна к тому, чтобы с ним ни в коем случае не повидаться. Но так как глаз вокруг было очень много, свидеться с ним ей было трудно.

В виду того, что был он послом главным, она положила его спать недалеко от себя. Ее покой был здесь поблизости, и дама, дав людям успокоиться, в четверть первую первого часа ночи отправилась к нему. Кавалер с своей стороны — не спал, а лежал только, смотря по направлению ее покоев. И видит он при облачной луне тень человеческую: пред ним предстала она, в предшествии молодого отрока. Кавалер в сильной радости ввел ее в свою спальню, и оставалась она у него с первой четверти первого часа до третьей четвертого, когда — не успев еще ни о чем с ним переговорить — она вернулась к себе. Кавалер в сильной печали не спал. Рано утром, хоть и был он в тоске, но посылать

к ней от себя было неудобно, отчего в волнении он ждал вестей оттуда⁹⁰. Вскоре после рассвета пришла весть от нее, — без слов, одно стихотворение:

«Ты ль пришел?
Была ль я у тебя?
Не знаю, не ведаю я...
Был ли то сон, иль явь то была.
Спала ль я, иль была бодр?»

Кавалер, весь в слезах, сложил такое стихотворение:

«Я сам блуждаю
во мраке сердца,
обуянного тьмой!
И сон то был, иль явь —
узнаем ввечеру...»

Сложив так, он послал ей; сам же отправился на охоту. Хоть и бродил он по полям, сердце ж его было не здесь: он думал, что этой ночью, уложив всех спать, он поскорее с нею встретится. Однако правитель провинции той, бывший также и хранителем храмов Ицука, прослышав, что здесь есть охотничий посол, всю ночь с ним пропировал, так что тот совершенно не был в состоянии с ней встретиться. Когда же рассвело, ему предстояло перейти в провинцию Овари, отчего и кавалер, и дама проливали втайне от всех горькие слезы, но свидеться все ж не могли. Когда мало-помалу ночь рассвела — на чарке, присланной от дамы, было написано стихотворение; взял он, взглянул — там было написано:

«Вот это — так река!
Что пеший путник перешел
и не замок...»

Конца ж не было. На другой стороне той же чарки углем от факела он приписал конец стихотворению:

«Но будет он опять заставу
на «склоне встреч» — переходить».

69

В давние времена кавалер на пути обратном из посольства к местам охот остановился у Оёдо и здесь, к отроку принцессы-жрицы обратившись, проговорил:

«Где топь та, где рыбаки
«морские сосны» жнет?
Двигая веслом,
ты научи меня,
ладья рыбацья»⁹¹.

70

В давние времена кавалер был у принцессы-жрицы в Исэ в качестве посланца от двора, и там ему дама⁹², говорившая всегда принцессе той лишь о делах любовных, от себя сказала⁹³:

«Потрясающе — стремительных
богов запретную ограду
готова я перешагнуть!
Так видеть хочется его —
из дворца гостя...»⁹⁴

А кавалер в ответ:

«В любви томишься? — Что же...
Попробуй — и приди!
Не путь то, на котором
потрясающе — стремительных
богов запрет лежит...»

71

В давние времена кавалеру с дамой, жившей в провинции Исэ, свидеться вторично не удалось, и он собрался уезжать в соседнюю провинцию и при этом страшно на нее роптал; тогда дама:

«На побережьи Оёдо сосна,
жестока разве? — Нет!
Упреки шлют ей только...
и волны те, что сами
бегут от ней...»

72

В давние времена кавалер, зная, что там она, но даже весть послать ей от себя возможность не имея, бродил вокруг ее жилища и размышлял:

«Глазами — вижу,
руками же достать
тебя я не могу...
Ты словно лавр, что на луне
растет!»

73

В давние времена кавалер, ропща сильно на даму, ей —

«Скалистых нет
меж нами гор
нагроможденных...
А дней без встречи сколько
прошло в любви!»

74

В давние времена кавалер даме, жившей в провинции Исэ, сказал: «Возьму тебя в столицу я и там встречаться будем!» — на что дама:

«У той сосны морской,
что в Оёдо на побережьи
растет, — сердце
в покой приходит, хоть
и не говорит она...»

Сказала... и стала еще более жестокой. Тогда кавалер:

«И как сосна морская,
с промокшим платьем рыбаки —
которую жнут, сушат, —
то за свидание приняв,
на том остановиться хочешь?»

А дама:

«Морские сосны, что растут
между скалами, —
всегда они бы были!
Прилив же, иль отлив,
а раковинки будут...»

Кавалер опять:

«От слез насквозь промок, —
хоть выжимай, —
рукав мой!
Что это? Капли то — сердца
жестокые людей на свете?»

Действительно, на свете то была дама, с которой
сблизиться так трудно было⁹⁵.

XII

73

В давние времена, когда императрица Нидзё ещё
именовалась фрейлиной-матерью наследного принца,
она отправилась однажды на поклонение своим родным
богам, и тут кавалер, начальником конвоя служивший,
при раздаче наград всем бывшим, пожалован был из
рук ее самой, — и он, стихи сложив, почтительнейше
их ей преподнес:

«Сосна в Осио,
что в Охара, — у ней
в сегодняшний день
встают, верно, картины
века богов!»⁹⁶

Сказал он так... и в сердце так же грустен был.
Что думал он? Про то неизвестно...

В давние времена жил Микадо, по имени Микадо Тамура. Во времена те же жила статс-дама, по имени Такакико. Она скончалась, и помертвые обряды свершились в храме Ансёдзи, в конце марта. Все благоговейно подносили приношения, и этих приношений поднесенных — тысячи скопились. Большинство предметов принесенных — к ветвям дерев было прикреплено⁹⁷, и когда все это поставили пред храмом, то было так на вид, как будто горы сами к храму двинулись⁹⁸.

И вот бывший тут Фудзивара Цунэюки, служивший в чине удайсё⁹⁹, как служба кончилась, созвал всех умевших стихи слагать и их заставил воспеть в стихах весны настроения, темой взяв сегодняшний обряд. Начальником правого конюшенного приказа служивший кавалер сложил так, — при чем взгляд его иной был¹⁰⁰:

«Горы все сюда
перебрались сегодня
на свиданье...
Весну на прощанье —
то навестить пришли...»

Сложил он так и, если посмотреть на стихи сегодня, — не очень хороши они. Тогда же — других, что ль, лучше они были, — только все восхитились ими.

В давние времена жила статс-дама по имени Такакико. Она скончалась, и обряды на семью-седьмой день свершались в храме Ансёдзи. Тогда же жил и удайсё¹⁰¹ Фудзивара Цунэюки. Он был при тех обрядах и на пути возвратном заехал в дворец Ямасина, где проживал принц-священнослужитель Ямасина. Там пущен был водопад, проведена ручьем вода: — искусно все было устроено, и Цунэюки принцу молвил: «Все это время издали служу я вам, вблизи служить еще не приходилось... Сегодня же вечером я здесь к услугам вашим».

Обрадовался принц и приказал устроить помещение для ночи. Однако Цунэюки, от принца выйдя, со своими спутниками стал совещаться: «Прислуживаю в первый раз я принцу... Возможно ль так оставить это? Когда, в свое время, был приезд высочайший в Сандзё¹⁰², нам был доставлен с побережья Тисато в провинции Ки очень красивый камень¹⁰³. Так как был он поднесен нам уже после высочайшего приезда, его поставили в канавку перед помещением одного человека. Принц любит островки¹⁰⁴. Ему этот камень преподнесем!», сказал так он — и из приближенных людей своих послал за ним. Спустя недолго они принесли его. Камень этот на вид был еще лучше, чем понаслышке. «Преподнести его так — слишком просто», сказал Цунэюки и приказал своим стихи сложить. Правого конюшенного приказа начальником бывший кавалер, зеленый мох

нарезав,—с подобием картины на лаке,—стихи сложив
такие, камень преподнес:

«Недостаточно, конечно...
но заменим скалой!
Нет средств ведь показать
тебе сердца, цвета чьи
людям не видны...»

Так сложил он.

78

В давние времена в одном роду родился принц¹⁰⁵.
В комнате родильницы все стихотворения слагали.
Дедом приходившийся двоюродным новорожденному
кавалер сложил:

«У врат моих — в ладоней
тысячу бамбук
расти коль станет, —
летом пль зимою — кто ж
под ним не сможет скрыться?»¹⁰⁶

79

В давние времена был человек, который в разру-
шенном жилище цветы глициний посадил. Они цвели
очень красиво. В конце марта, когда накрапывал дождь,
он, цветов нарвав и их преподнося одной особе, так
сложил:

«Промок я насквозь,
но все ж, невзирая,
нарвал я глициний!
Подумал — не много весенних
осталось уж дней...»

80

В давние времена проживал один вице-канцлер.

Себе устроив очень красиво жилище у реки Камо-
гава в округе линии шестой, он там и поселился.
В конце октября, когда во всем цвету пышнели хризан-
темы, когда клен красный тысячью цветов взору пред-
ставлялся, — созвав своих всех сыновей, он с ними ночь
напролет развлекался за вином; когда же ночь сменя-
лась уж рассветом и уходить собрались все, слагать
все стали стихотворения, восхваляя красу того дворца.

Бывший тут же ничтожный старец¹⁰⁷, внизу у де-
ревянной галереи бродивший¹⁰⁸, когда все кончили
слагать, сложил:

«Когда ж успел
сюда прийти я в Сиогама?
И вам сюда б, челны...
Что в утренней тиши
за рыбной ловлей...»

Если поехать в провинцию Митиноку, то местностей
красивых — очень будет много. Но нет у нашего микадо,
во всех шестидесяти слишком провинциях, такого места,

чтоб похоже на Сиогама было. И вот поэтому тот старец, дворцом восхищаясь, и сложил: «Когда ж успел сюда прийти я в Сиогама...»

В давние времена жил один принц, — принц Коретака по имени. Дворец был у него в местности Минасэ в сторону туда — к Ямазаки. И каждый раз, когда во всем цвету бывали вишни, он направлялся в тот дворец. В это время с собою брал обычно он кавалера, что служил начальником правого конюшенного приказа. Прошли года и поколения с тех пор, — давно уж это было, отчего и имя кавалера в забвение погрузилось¹⁰⁹.

Однажды, принц не очень охоте предаваясь¹¹⁰, за вином все время сложением занимался стихов японских¹¹¹. Вишни в замке у взморья Катано, где на этот раз происходила охота, были особенно красивы. Под сень этих деревьев сойдя и наломав ветвей, украсив ими свои прически, все здесь бывшие — и высшие, и средние, и низшие — стихи сложили. Кавалер, начальником приказа конюшенного бывший, сложил:

«Если бы на свете
никогда не цвели
цветы вишни, —
сердце волнений
не знало б весною...»

Так сложил он. А стихи другого: —

«Лишь потому, что цветы
облетают,
милей они вдвое...
В суетном мире
что может быть долгим!»

таковы были.

Когда они, поднявшись из-под сени деревьев, в обратный путь направились, смеркаться день стал. Тут люди, бывшие при принце, с поля — из Минасэ — принесли вина. «Вино это, давайте, выпьем» — молвил принц, и все, отправившись искать хорошее местечко, до местности добрались, «Рекой небес» что называлась¹¹². Вино принцу подносил тот кавалер — начальник конюшенного приказа. К нему принц обращаясь — проговорил: «Темой взяв, как мы с охоты у Катано сюда пришли к «Реке небес», стихи сложи и вместе с чаркой мне их преподнеси!» И тот сложил и принцу преподнес:

«Весь день на охоте
провел я в надежде
ночлег получить у «Ткачихи»...
И вот уже здесь я, — в долине
«Небесной реки»...

Так сказал он, и принц эти стихи несколько раз повторил, ответа ждать — не мог он¹¹³... В свите служил Ки Арицунэ. И он ответил:

«Ткачиха ждет здесь друга,
который лишь однажды
приходит в целый год...
И нет той здесь, кто мог бы
ночлег тебе тут дать».

Вернувшись, все вошли во дворец. Здесь до поздней
ночи вели за вином они беседу, пока принц-хозяин,
опьянев, не собрался идти к себе. Луна — то было
в одиннадцатый день — также уж клонилась к закату,
отчего тот кавалер сложил:

«Не успели еще
палубоваться тобой, о луна,
а ты уж прятаться хочешь...
О, гребни тех гор, если б вы,
ее не приняв, убежали!»¹¹⁴

Почтительно от имени принца¹¹⁵ Ки Арицунэ:

«Вот, если б пики
все без исключения
в равнину превратились...
Гор не будь гребнистых, —
и месяц не зайдет!»

В давние времена наезжавший в Минасэ принц
Коретака однажды на обычную охоту туда отправился,
и в свите у него был кавалер — начальник конюшен-

ного приказа. Прошло несколько дней, и принц вер-
нулся во дворец. Принца проводив, скорей к себе
уйти думал кавалер, но тот — то жаловал вином, то
собирался дать подарок¹¹⁶ — и не отпускал. И кавалер
в беспокойстве:

«Себе не связал
и травы в изголовье...
Пусть даже ночь
как осенью будет, —
сердце ж в тревоге...»¹¹⁷

Так сложил он. Время было — конец марта. Принц,
не отправляясь на покой, провел всю ночь.

Так приходил и служил принцу кавалер, как вдруг
нежданно — принц постригся и жить стал в месте, что
прозывают Оно. Когда, в январе, кавалер явился поздрав-
ить принца, у подножья горы Хиэ снегу было очень
много. Когда, с усилением добравшись до покоев принца,
он предстал перед ним, — в унынии и скуке был тот
печален очень, отчего и кавалер понемногу задер-
жался, и они с принцем вели беседы, вспоминая то
прежнее, то нынешнее. Но все же, как ни думал кавалер:
«Служить бы принцу так хотелось мне» — были
у него дела официальные, не мог ему служить
остаться он и, ввечеру собравшись в путь обратный, —

«Забыв про все —
«не сон ли это?» мнится...
Иль думал я когда —

прийти тебя увидеть,
пробившись чрез снега?»¹¹⁸

так сказал он и в слезах домой вернулся.

83

В давние времена жил кавалер. Сам низкого он звания был, но его мать была принцессой.

Мать эта проживала в месте, называемом Нагаока. Сын в столице на придворной службе был, отчего и не мог часто ее навещать. Единственным сыном он был у ней, и та печаловалась очень.

И вот, однажды, в декабре, от нее письмо спешное пришло. Испуганный — взглянул, но ничего особого там не было:

«Состаришься — наступит,
говорят, разлука
неизбежно...
И все сильнее тебя я видеть
хочу, о сын мой!»

Так было там. Увидев это он, на лошадь даже не успев усесться, отправиться решил и, весь в слезах, по дороге думал:

«О, если б не было на свете
разлуки неизбежной!
Хотя б для тех детей,
что молят
о жизни в тысячу веков...»

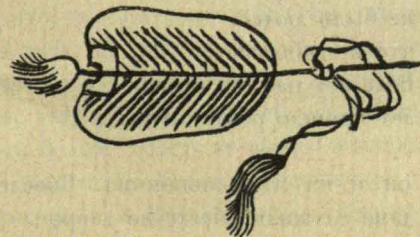
84

В давние времена жил кавалер. Тот господин, которому служил он с отроческих лет, в монахи постригся¹¹⁹. В январе непременно он навещал его. Была у него официальная при дворе служба, отчего не мог он постоянно того навещать. Однако приходил к нему все с тем же прежним сердцем.

Раз собралось у того много его прежних слуг — и мирян, и уже духовных. «Январь месяц — дело особое...» — хозяин заявил и пожаловал вином¹²⁰. Снег, просыпанный как будто, падал и весь день не прекращался. Все, опьянев, стихи слагали, темой взяв: «Как мы заключены в снегу».

«Хотел с тобой бы быть,
но не иначе —
как разделить себя пришлось бы...
От глаз не отступая
грудится снег, — как сердце хочет»¹²¹.

Так сложил кавалер, и тот очень этим восхищался; сняв с себя одежду, он ему ее пожаловал.

XIII

83

В давние времена очень юный кавалер сговорился вместе с юной дамой¹²². У обоих родители были, отчего, в себе затая, они, высказавшись лишь, на том и остановились¹²³.

Прошли годы, и от дамы весть пришла: «Ну, что ж... Осуществим то дело!»—На что кавалер, стихи сложив, послал ей. При этом что он думал?..

«До сих пор на свете
не было людей,
что не забывают!
Ведь и у нас так много
лет прошло различных...»¹²⁴

Сказал он и на этом покончил. Впоследствии и кавалер, и дама служили вместе во дворце.

86

В давние времена кавалер отправился в провинцию Цу, уезд Убара, в селение Асия — навестить свои владения — и поселился там. В старинном стихотворении поется:

«Ни минуты свободной
нет у тех, кто на взморье
у Асиной соль добывает...
И вот я пришла к тебе, милый,
не украсив себя даже гребнем».

Это поется про это селение. Именно это место и зовут «Взморьем Асия».

Этот кавалер имел кое-какую службу при дворе, и на этом основании у него раз собрались чины дворцовой стражи. Старший брат его был также стражи офицером.

Гуляя по берегу морскому перед домом кавалера, они сказали:

«Взберемся посмотреть на водопад «Холст распростертый», что, говорят, здесь на горе находится!»¹²⁵

Взобравшись, взглянули, — водопад тот от всех других отличен был: высотой в двадцать саженей, а в ширину пять целых саженей скала была, и сверх ее как будто белый холст ту скалу обволакивал. Над водопадом выдавался камень, величиною с круглую цыновку для сиденья. Вода, бегущая поверх того камня,

спадала каплями величиной с каштан или малый апельсин¹²⁶. И все, здесь бывшие, в стихах тот водопад воспевать стали. Первым сложил тот стражи офицер:

«Век мой... сегодня
или завтра настанет...
жду... в ожидании —
жемчужины слез...
Чего же здесь больше?»¹²⁷

Хозяин сложил вслед за ним:

«Как будто там кто-то
стоит, рассыпая
жемчужные перлы...
И беспрерывно летят все они,
рукав же мой узок»¹²⁸.

Так сложил он и все присутствующие, — смешно им стало, что ли, — но стихи читать перестали¹²⁹.

Возвратный путь далек был, и когда все проходили мимо жилища покойного первого сановника двора¹³⁰, уж день стемнел.

Когда обратили взоры в сторону ночлега, во множестве виднелись огни рыбаков на ловле¹³¹; тут кавалер, хозяином бывший, сложил:

«Что это, — звезды,
ясной ночью... или светляки
на побережьях?
Или огни, что рыбаки
в моей жгут стороне?»

Так сложил он, и все домой вернулись.

В эту ночь дул южный ветер, и остатки воли все же были очень высоки.

Ранним утром девочки из дома вышли и, набрав прибитые волнами плававшие «морские сосны», их в дом принесли. Взяв от девочек, водоросли эти положили на поднос и, листьями дубовыми покрыв, подали. На листьях этих так написал он:

«Сам бог морей «сосной морской» —
чем дорожит, чем украшает
главу свою —
для вас, друзья,
не поскупился!»

В этой песне жителя деревни — были ли слоги лишние, или их не хватало?¹³²

В давние времена собрались однажды вместе кое-какие приятели, не очень уж молодые. Глядя на луну, один из них —

«По большей части
не любят месяца...
Их много
наберется — старость
наступит человека!»

В давние времена не бывший в низком звании кавалер любил одну даму, превосходившую его своим положением. Прошли годы...

«Когда я умру
от любви, что никто из людей
не знает, — кого из богов
понапрасну
в смерти моей обвинят?»

В давние времена кавалер любил даму, бесчувственною бывшую, все помышляя: «Ах, как бы это!..» Стало ли ей жалко его, но только ему она сказала: «Ну, если так, то завтра через перегородку поговорим хотя бы!..» — и тот доволен был безгранично, но, опять в сомнениях, ей, ветку красивую от вишни словив, —

«Вишен цветы
так блистают сегодня...
Но, увы, трудно верить
тому, что случится
завтра в ночи!»

Такое, повидимому, настроение у него было.

В давние времена кавалер, горюющий о том, что месяцы и дни уходят, — в конце марта —

«Как то ни жалко,
но сегодняшний день,
день последний весны, —
увы, превратился
уже в вечернюю тень!»

В давние времена кавалер, любовью томясь, то приходил, то вновь возвращался, и даме весточки даже не в силах послать, — так сложил:

«У камышей прибрежных
без перекладины ладья...¹³³
И сколько же десятков
раз сюда приходит и уходит
она, — никто не знает...»

В давние времена кавалер, будучи низкого звания, любил даму, положения очень высокого. Было так, что ли, что не мог питать он, видимо, надежд никаких, но только — лежа, думал он с тоской, вставал и тосковал и, в отчаяние придя от дум, сложил:

«Лишь равную себе
любить должны мы...
Где ж пары нет,
где низкий и высокий, —
одно страданье лишь!»

В давние времена также такие вещи случались. Не закон ли это в этом мире?

XIV

93

В давние времена жили кавалер и дама. Как-то случилось, что он перестал быть с нею. После этого у той появился кавалер другой, но так как у них уже ребенок был, то хоть и не подробно, но все же изредка он посылал ей известия о себе.

Дама эта умела писать картины, почему и кавалер однажды ей послал веер, чтоб разрисовала. Но в виду того, что как раз в те дни у нее был тот, другой, — она день или два ему не отсылала обратно, почему первый кавалер в негодовании послал сказать ей: «Того, о чем просил я тебя, ты до сих пор не выполнила. Конечно, — так оно и должно было случиться! Я знаю это... Но все же я не могу сдержать свое негодование и не упрекнуть тебя». И послал при этом ей стихотворение; время было осенью:

«Осенней ночью забываешь
день весенний...

Видно, дымки, что весною, —
роса, что осенью встает, —
сильней гораздо!»

Так сложил он, а дама в ответ:

«Осеней тысячи
можно ль сравнить
с весной хоть одною?
Однако и клен, и цветы
осыпаются равно...»

94

В давние времена жил кавалер, служивший императрице Нидзё. Постоянно соприкасаясь с одной дамой, служившей там же, он полюбил ее. «Ах, как бы — хоть через перегородку — с тобой встретиться и рассеять безотрадные думы, которых столько накопилось!» — сказал он ей, и дама, под величайшей тайной, через перегородку с ним повстречалась. Ведя беседу, кавалер —

«Моя любовь сильнее,
чем та, у Волопаса...
«Реку небес» — преграду,
что здесь нас разделяет,
ты уничтожь теперь!»¹³⁴

Понравилось ей стихотворение это, и с ним встрети-
лась она...

95

В давние времена жил кавалер. Пока он так и этак с дамой говорил, шли месяцы и дни. Но так как не была она из дерева или камня, то сердце тронуто, что ль, было ее, — но только, в конце концов, сжалась она над ним. Время было — середина месяца июня. У дамы на теле один или два нарыва появились, отчего она ему сказать послала: «Теперь уж ничего иного нет на сердце у меня. Но у меня образовались один или два нарыва, и время очень жаркое... Когда слегка повеет осенний ветер, — непременно с тобой встречусь». Но когда настала осень, отец дамы, услышав, что думает она к нему идти, бранить ее стал и выговоры делать. И вот ее брат старший внезапно появился за ней самой, и дама, подняв один из первых красных листьев клена, на нем стихи написала:

«Осенью», — тебе
сказала я, и все же
ничего не вышло!
Листвой дерев засыпанным
ручьем все оказалось!»¹³⁵

Написала она и, оставив, сказала: «Если оттуда при-
шлют как-нибудь, — отдайте это», — и ушла. И затем,
в конце концов, хорошо ли ей стало, или плохо,
куда она девалась — неизвестно было. И тот кавалер
произносить заклятия стал, за спиной в ладоши уда-

рия¹³⁶. Дело страшное. «Заключения на людей... действуют ли, нет ли, — теперь посмотрим!» — так говорил он.

96

В давние времена жил великий канцлер Хорикава. В день, когда пир, по случаю его сорокалетия, справлялся в доме на линии девятой, кавалер, в чине тюдзё бывший,—

«Рассыпьте и сокройте
собою все, о, вишен
цветы! Чтоб старость,
грядущая сюда,
с дороги сбилась...»

97

В давние времена жил один великий канцлер. Ему служивший кавалер, в сентябре, ветку сливы изготовив и к ней фазана прикрепив¹³⁷, — почтительно поднес:

«Для тебя, государь,—
что опора моя,—
цветы, что я рву—
года времен
не различают совсем!»

Так сложил он, и канцлеру чрезвычайно стихи понравились, так что он тому — служившему ему — пожаловал награду.

128

98

В давние времена, в день состязаний на ристалище правой гвардии, в стоящем напротив экипаже, из-под нижней занавески, слегка виднелось лицо дамы¹³⁸, и кавалер, в чине тюдзё бывший, так сложил:

«Не вижу» тебя — не скажу,
и «вижу» сказать не могу...
Придется бесплодно весь день
в тоскливых мечтах провести мне
с любовью к тебе...»

А дама в ответ:

«Знаешь, кто я, или нет, —
зачем же тут бесплодно —
так различать?
Любовь одна должна служить
верным руководством!»

Впоследствии он узнал, кто она.

99

В давние времена кавалер проходил как-то между дворцом Корёдэн и другим, и из покоя одной благородной дамы ему сказали: «Называешь ты «траву забвения» травую «тайны»? — и с этими словами траву ту ему показали. Кавалер, траву взяв¹³⁹:

9

ИСЭ-МОНОГАТАРИ.

129

«Ты видишь, вероятно,
что поле все покрыто
забвения травой...
Но эта тайна лишь одна
и в будущее вера!»

100

В давние времена жил некий человек, Аривару Юкихира по имени, пост занимавший офицера левой дворцовой гвардии. О том прослышав, что в доме у него вино хорошее имелось, много придворных кавалеров к нему приходило, чтоб пить.

В день этот он, хозяин, устроил пир в честь сатюбен'а¹⁴⁰, Фудзивара Поситика по имени. Был человек со вкусом он, и цветы в вазы поставил. Среди цветов тех были прекрасные глицинии. Цветущие их ветви в длину имели около трех футов и шести дюймов.

Взяв их за тему, все стихи слагали.

Когда уже слагать кончали, явился брат хозяина, услышав, что тот устроил пир, и, схвачен будучи, заставлен оказался и он стихи сложить. Не знал, конечно, он искусства стихосложения, отчего этому и противился, но, насильно будучи заставлен, так сложил:

«Как много укрылось
здесь под цветами
в цвету...
И блестящей, чем прежде,
глициний цветы!»

«Почему ты так сложил?» — его спросили, и он ответил: «Блеск и слава первого канцлера теперь в полном расцвете, и я сложил стихи, в виду имея то, что род «глициний» теперь особенно цветет». И все перестали его бранить¹⁴¹.

101

В давние времена жил кавалер. Стихов не слагал он, но все же свет знал хорошо¹⁴².

И вот он даме благородной, что, став монахиней, от мира отвратилась и уж не в столице, но в далеком средь гор селении жила, — даме, бывшей одного с ним рода, стихи сложив, послал:

«Отвратясь от мира,
на облаке все же
ты не паришь...¹⁴³
Но горести мира
так далеки от тебя!»

102

В давние времена жил кавалер, служивший микадо Фукакуса. Был очень верен он и честен и сердца ветреного не имел. Но вот — по ошибке ли сердечной — только сблизился он с дамой, бывшей прислужницей у принца. И раз поутру сказал он ей:

«Сон, проведенный
этой ночью с тобою—
так безутешен!
А теперь все сильней
безутешность растет...»¹⁴⁴

Так сложив, ей послал. Вот противная песня!

103

В давние времена жила дама, без особенной причины монахиною ставшая. Внешности своей придала она вид надлежащий, но к вещам интерес все ж был у нее, и на праздник Камо она вышла посмотреть. И тут кавалер, стихи сложив, послал ей:

«Вот вижу я того,
кто, как рыбак,
на море...
и мнится: угостит
меня морской травой»¹⁴⁵.

104

В давние времена кавалер послал сказать: «Если ты так, то мне остается лишь умереть!» — на что дама:

«Если капли росы
исчезнуть хотят, пусть исчезнут!

Не исчезнут они, — всё ж не будет
того, кто б на нить их,
как жемчуг, нанизывать стал...»

Так сказала она, и у того, хоть и роптал на нее,
все ж сильнее стала любовь.

105

В давние времена кавалер, посетив то место, где прогуливались принцы, на берегу реки Тацутагава —

«Потрясающе-стремительных
богов в век—и тогда
не слышать, чтоб волны
— река Тацутагава —
окрашивались в пурпур!»¹⁴⁶

XV

106

В давние времена у одного не особенно благородного человека была в услужении женщина одна. В нее влюбился бывший в должности секретаря Фудзивара Тосиюки. Эта женщина по лицу и по всей наружности своей была красива, но молода еще была и в переписке неопытна: она не знала даже, что говорить, тем более стихотворений слагать не умела. Поэтому ее хозяин писал ей сам черновики и давал ей переписывать, — и тот, в приятном будучи заблуждении, восхищался ими. Раз тот кавалер сложил так:

«Тоскливо мечтаю, —
и в мечтаниях этих
«слез» все полнеет «река».
Один лишь рукав увлажняю,
свиданья же нет!»

В ответ на это, по обычаю, вместо дамы хозяин:

«Ну, и мелко же, если
только рукав увлажнишь!
Вот, если услышу: тебя самого
понесло уж теченьем —
поверю...»

Так сказал он, и кавалер, восхитившись этим, как бы ее, стихотворением, уложил его в шкатулочку для писем и всем носил показывать.

Он же, после того как с нею уже повстречался, послал такое ей письмо: «Собрался было я к тебе уж итти, как начался дождь, и с горестью взираю на эту помеху. Если б счастлив удел мой был, дождь не должен был бы итти!» Так он сказал, и, по обычаю, хозяин вместо дамы послал в ответ ему стихи такие:

«Любишь сильно
иль нет, —
спросить об этом трудно...
Но дождь, что знает хорошо
все обо мне, льет еще лучше...»

Так сказал он, и тот, не успев даже взять дождевой плащ и шляпу, насквозь промокнув, второпях к ней прибежал.

107

В давние времена дама, роища на сердце кавалера, —

«Подымется ветер — всегда
вздываются волны, утес же —

всегда поверх их.
Рукаву ж моему — ни минуты,
чтоб высохнуть, нет...»¹⁴⁷

Сказала... а кавалер, прослышав о том, что постоянно твердит она так, —

«В том поле, где так много
лягушек каждый вечер
плачет, —
вода все прибывает,
хоть и нет дождя»¹⁴⁸.

108

В давние времена кавалер своему другу, который потерял любимого человека, послал сказать:

«И вот быстротечней,
чем даже цветы,
она оказалась...
А кого из них — первым
нужно любить, думал ты?»¹⁴⁹

109

В давние времена жила дама, с которой кавалер в сношениях тайных находился. И вот от нее пришли слова: «Сегодня в ночь ты спился мне во сне», — на что кавалер:

«То дух мой был,
что отделился
от любви избытка...
Увидишь поздней ночью
еще — завяжи!»¹⁵⁰

110

В давние времена кавалер, как будто выражая свое соболезнование даме благородной, у которой умерла служанка, — так сказал:

«В старину, быть может,
это и бывало, — я ж сегодня
узнал только: можно
любить того, ни разу
кого увидеть не пришлось».

111

В давние времена кавалер даме жестокой:

«Люблю тебя — не стану
вновь я говорить...
сама узнаешь, видя,
как твой исподний шнур
развязываться станет!»¹⁵¹

А та в ответ:

«Такого знака, чтобы
исподняя шиуровка
распускалась — нет.
Уж лучше бы не прибегал
к таким намёкам вовсе!»¹⁵²

112

В давние времена кавалер даме, с ним бывшей
в нежном союзе и теперь изменившейся, молвил:

«Дым, что разводит,
соль в Сумá добывая, рыбак —
под ветра напором
склонился туда,
куда вовсе не думал!»

113

В давние времена кавалер, одиноким оставшись, —

«Чтоб забыть в этой жизни,
такой скоротечной, —
столь же короткой
душой обладать
тогда нужно!»

114

В давние времена, когда микадо Нинна приезд свой
совершил в Сэрикава, еще не бывший слишком старым
кавалер, хоть и знал, что ныне это не к лицу ему,
но, так как раньше при этом был он, прислуживал
микадо, как сокольник¹⁵³.

На поле своей охотничьей одежды, где фигура цапли
изображена была, он написал:

«Утеха старца то...
не осуждайте люди!
Охотничья одежда...
«Сегодня только!» —
поет ведь цапля та...»¹⁵⁴

Вид у государя был недовольный. Кавалер лишь
о своем возрасте думал, а люди уже немолодые при-
няли, что ли, на свой счет¹⁵⁵.

115

В давние времена в провинции Митиноку жили
кавалер и дама. «В столицу отправляюсь», — сказал ей
он. И эта дама, в печали сильной, хоть проводить его
желала¹⁵⁶ и в местности, что зовут Миякодзима в Оки-
ноу, вином его угощая, сложила:

«Печальней, чем сжечь
в сильном пламени тело
свое, здесь расстаться
с тобой у самой
Миякодзима!»

Сказала она, и он, восхищенный, остался ¹⁵⁷.

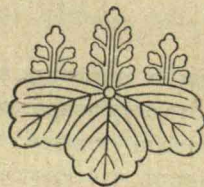
116

В давние времена кавалер в скитаниях как-то дошел
до провинции Митиноку. Оттуда в столицу, к той даме,
которую любил, послал так сказать:

«Деревья на побережьи
тех островков, что средь волн,
виднеются там...

Давно уж они предо мною,
за время разлуки с тобою!»

Сказать ей послал он, что во всем у него хорошо
стало ¹⁵⁸.

XVI

117

В давние времена микадо свой выезд совершить
изволил в Сумиёси:

«Даже я — и то долго
вижу тебя на берегах Сумиёси,
принцесса сосна! ¹⁵⁹
А сколько веков уж всего
прошло за то время...» ¹⁶⁰

И божество само появиться соизволило:

«Не знаешь ты разве, что мы
в близкой дружбе с тобой?
Что с веков отдаленных — давно
уж как стал я
твой род охранять?» ¹⁶¹

XVII

118

В давние времена кавалер, долго вестей о себе не давая, даме сказал: «Забвенья на сердце — нет у меня. К тебе я приду», — на что дама:

«Так много стало ныне
дерев, вокруг которых вьешься
ты, о жемчуг-плющ!¹⁶²
Слова «тебя не брошу» —
не радостны уж мне...»

119

В давние времена дама, глядя на предметы, оставленные, как память, кавалером, что ветрен был, —

«Память твоя ныне¹⁶³
врагом мне стала!

Не будь ее, — имела б
минуту я, когда
тебя забыть могла бы...»

120

В давние времена кавалер полагал сначала, что дама еще опыт мирской не прошла, но, потом прослышав, что она в сношениях тайных с другим, — через некоторое время —

«Если б поскорее
настал тот праздник в Оми,
праздник в Цукума!
Посмотрел бы, сколько,
жестокая, котлов с тобой»¹⁶⁴.

121

В давние времена кавалер, видя, как уходит из Умещубо, под дождем промокая, некий человек, —

«Ах, если б шляпа та,
где соловей цветов узоры
выткал, — у меня была!
Надеть домой тому я дал бы,
кто, видно, мокнет под дождем...»

А тот в ответ:

«Шляпы тех, где выткал
цветов узоры соловей, —
я не хочу. Вот лучше —
люби меня, и на огне
любви твоей просохну!» ¹⁶⁵

122

В давние времена кавалер той даме, что верность
нарушила, —

«Ладонью зачерпнув, жемчужные
струи пью, что в Идэ
в Ямасиро текут...
Без веры всякой ныне
союз с тобой наш стал!» ¹⁶⁶

Сказал так, а она и ответа не дала.

123

В давние времена жил кавалер. Надоела, что ли, ему
та дама, что в местности, «Густой травой» называемой,
жила, но только он сложил:

144

«Если уйду я
из дома, где прожил
много годов, —
еще более «густой
травы» — он полем станет!»

А дама в ответ:

«Если полем станет, —
буду перепелкой
плакать в поле я...
Неужли на охоту
ты даже не придешь?»

Так сказала она, и он, в восхищении, об уходе и
думать перестал.

124

В давние времена кавалер, повидимому о чем то
думая, сложил:

«Так и оставляю,
никому не сказав,
свои думы!
Ведь нет никого,
кто был бы со мною...»

10

ИЗДАНИЕ МОНОГАРАФИ

145

В давние времена кавалер, страдая и в сердце своем
полагая, что смерть ему приходит, —

«Издавна слышал
я о дороге, которой
мы напоследок пойдем...
Но что это будет
вчера или сегодня, — не думал...»¹⁶⁷

Перевел с японского

Н. Конрад

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Т. е. когда он достиг совершеннолетия: в те времена мальчик, которому исполнилось двенадцать лет, уже считался взрослым, в ознаменование чего над ним совершался особый обряд, так сказать, «конфирмации», заключающийся в особом ритуальном обрезании волос, носимых до сего времени длинными, в изготовлении из них прически, на которую и надевался первый мужской головной убор — убор взрослого мужчины.

² Приведенное стихотворение настолько сложно по своему содержанию, что требует обстоятельных объяснений, тем более, что даже японская толковательная литература далеко не единодушна в раскрытии истинного его смысла, особенно — в отношении отдельных слов. Прежде всего необходимо иметь в виду, что в ту эпоху, когда текстильная техника носила еще вполне кустарный характер, окраска тканей и наведение узоров на них производились ручным способом, и довольно примитивным, — на гладкий камень накладывались различные травы и цветы, поверх их расстилался холст, который имели в виду окрасить, а затем по нем проводили гладким камешком, так сказать, натирая его. Сок находящихся под холстом растений впитывался при этом материей, и на ней выступали и окраска, и узоры. Так и была изготовлена та ткань, из которой была сшита одежда кавалера. При этом эта ткань носила специальное название:

«ткань Синобу», что может означать как и то, что узоры и окраска ее были наведены посредством особой травы, именуемой Синобу, так и то, что такие именно ткани выделялись в местности Синобу, поставившей их в виде дани императорскому двору. Особенно же этих тканей было то, что они отличались чрезвычайно путаным узором, прихотливыми перебивками оттенков — в целом лилового цвета. Это последнее обстоятельство дает возможность автору поставить в связь два образа стихотворения — свою одежду лилового цвета и упоминаемые фиалки. В результате получается следующий смысл: «О ты, моя одежда, — лиловая с узорами; свой цвет ты непременно получила вот от этих фиалок, растущих на равнине Касуга. И хотя узор твой и от них идет, но в своей спутанности и смятенности он таков же, как и у ткани Синобу». Это первый смысл, переданный и в переводе. Но необходимо помнить, что образ «молодых фиалок» с равнины Касуга есть не что иное, как иносказательное обозначение «двух молодых девушек, живущих в Касуга», в то время как слово «Синобу» означает и понятие «любовного томления», томительной страсти. Отсюда новый смысл стихотворения: «Мое платье не знает пределов смятенности своих узоров и цветов, — хоть и окрашено оно фиалками с равнины Касуга, а может быть даже именно поэтому. Так и сердце мое не знает пределов любовному томлению, вызванному все теми же фиалками с равнины Касуга, т. е. вами, молодые девушки».

³ Превосходила сердцем — в смысле: была очень искусна в делах любви, с утонченными чувствами и умением усложнять и углублять любовные переживания в хейанском духе.

⁴ Т. е., по всей вероятности, почувствовал, что она не верна ему, от чего и впадал в унылые размышления.

⁵ Весенний дождь — унылый и долгий; так же тянутся и так же нерадостны и мысли кавалера о любви к нему дамы.

⁶ Для понимания этого эпизода необходимо иметь в виду два обстоятельства: связь между образом «дучок морской

травы» и образом стихотворения основана на игре слов: «морская трава» и «подстилка» звучат по-японски одинаково; во-вторых, упоминание о рукавах, как о таких подстилках, объясняется обычаем тех времен — в часы любовного ложа, сняв одежды, подстилать их под себя.

⁷ Т. е. отправился в путешествие по восточным провинциям острова Хондо (главный остров Японского архипелага).

⁸ Название двух провинций в центральной части Хондо.

⁹ Этот подвижник, надо думать, был жителем столицы и принадлежал раньше к тому же кругу, что и герои Иса. В те времена бывали случаи удаления в отшельничество, с целью предаваться духовному и магическому деянию.

¹⁰ Птица столицы — мякодори, — так именовали на Востоке этих птиц.

¹¹ Фудзивара — знатнейшая фамилия той эпохи, представляющая древнейшую родовую аристократию страны.

¹² Согласно обычному толкованию этого эпизода, кавалер этот успел в провинции Мусаси обзавестись новой любовью, но, не придавая ей значения, продолжал хранить память об оставшейся в Киото возлюбленной. Своими словами он хочет сказать: «Сознаться в измене тебе — мне стыдно; ничего тебе не говорить — как-то неприятно: ведь мы привыкли все говорить друг другу»...

¹³ На конверте следовало бы обозначить, от кого посылается письмо и откуда; он же ставит, вместо всего этого, слова «стремена Мусаси», имея в виду при этом двойную цель: указать на свое местопребывание — провинцию Мусаси, называя тот предмет, изделием которого эта провинция славилась и который она будто бы поставляла в виде дани императорскому двору, — с другой же стороны, намекнуть на то, что, несмотря на свою измену, он продолжает, в сущности, быть ей преданным и верным и что она может в этом отношении так же спокойно полагаться на него, как спокойно доверяет себя всадник искусно изготовленным стременам Мусаси.

¹⁴ Слова «Мусаси стремена» — здесь никакого особенного

значения для смысла стихотворения не имеют. Кавалер лишь вновь повторяет тот образ, на котором были основаны и его приниска на конверте, и стихи дамы.

¹⁵ Русскому читателю был бы несомненно более понятен образ — «парой голубков», но, к сожалению, «голубками» не изображаются возможности сравнения двух любовников: японцам для этой цели служит образ двух червячков — самца и самки, — обитающих в одном и том же шелковичном коконе. Два нежных тельца среди шелковистой оболочки, прильнувших друг к другу, — образ, пожалуй, не без основания взятый для подобного сравнения.

¹⁶ Вряд ли можно принимать всерьез это замечание автора: стихи уже не так плохи с японской точки зрения, хоть и принадлежат они деревенской красотке; к тому же и последующее ее стихотворение — так напоминающее по мотиву и характеру провансальскую «alba» — несомненно очень красиво и уместно.

¹⁷ Наоборот, стихотворение героя этого приключения значительно уступает стихам дамы. Смысл его определенно проинический: «Так же, как невозможно превращение той сосны в человека, немисливо, чтобы и я хоть на мгновение помыслил о тлости разлуки с тобой и почувствовал желание взять тебя с собой».

¹⁸ Автор, по всему видно, пристрастен к герою. Не может быть, чтоб дама — автор двух искусных стихотворений — не поняла смысла чужих стихов. Замечание это — все то же стремление выставить даму в смехном виде.

¹⁹ «Сердца тайны ее» — т. е. дамы, выступающей в стихотворении в образе «Горы Любовных мечтаний».

²⁰ Японские критики неизменно сопоставляют этот эпизод с предыдущим, указывая, что автор искусно хочет показать два типа женщины: обе, повидимому, равные по положению, обе живут в глухой провинции, но одна — героиня предыдущего рассказа — будто бы чрезвычайно недалеко, другая же — образец ума и чуткости. Она, будто бы, прекрасно сознавала,

что отвечать столичному кавалеру — бесполезно: еще, пожалуй, дождешься от него, в конце концов, стихотворения в роде: «если б сосна в Анева», или в этом роде, — и предпочла молчать.

²¹ Согласно обычаю того времени, муж в подобных случаях обязан был одарить уходящую жену всем необходимым для ее будущей жизни в монастыре.

²² Т. е. к выражению своей радости и благодарности добавил следующее стихотворение.

²³ «Крылатая небесная одежда» — образ отчасти мифологии, отчасти поэзии: Аридуна так говорит об одежде, присланных ему другом, в виду того, что эти одежды были сделаны лично для последнего. «Преподнесли» — говорится о мастерах, преподнесших ему одежды по заказу друга.

²⁴ Кавалер хочет этими стихами отвести от себя упрек в «ненадежности», сделанный ему только что другом, и перенести его на этого последнего: «Сегодня ты еще меня встречаешь с дружеской любовью, но завтра: как эти вишни завтра, вероятно, осыплются, так же, может быть — кто знает — завтра изменилось бы и твоё отношение ко мне... Были бы кое-какие следы, остатки прежних чувств и отношений, но разве можно принять их за настоящую дружбу?»

²⁵ Кавалер намекает на одежды разного цвета, надевавшиеся в те времена женщинами одна поверх другой. Их цвета можно усмотреть из открытых, широких рукавов, у отверствия которых все эти одежды располагаются различной длины каймами. «Алость и блеск» в первом стихотворении означают любовную страсть, пылкостью которой, как то известно даме, славился кавалер; «белый снег» — там же — его холодность в данном случае, т. е. по отношению к ней. Во втором стихотворении кавалер, делая вид, что он ничего не понял, парирует вызов дамы изящными, но ничего не говорящими образами.

²⁶ Последнее замечание разъясняет смысл намеков, содержащихся в стихотворениях. Облака, согласно поэтическому представлению, пребывают на вершинах гор, являющихся их,

так сказать, убежищем и опорой, и, только лишённые этой опоры, они мчатся по небу. Так и он, — лишь потому скитается и не возвращается к ней, что она уж не может быть для него верным оплотом любви: у нее есть уже другие друзья сердца.

²⁷ Дама в своем стихотворении дает совершенно противоположное толкование символу, посланному ей с дороги кавалером, и его словам о нем: тот хотел сказать, что страсть его всегда алеет ярким цветом, как этот клен, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства — весеннее время, неурочное для покраснения листьев дерев, — т. е. несмотря на необходимость разлуки; она же берет образ той же ветки уже в связи с осенью: красный клен — символ осени, угасающей любви.

²⁸ Свобода взаимного общения, допускаемая в детском возрасте, с переходом на положение совершеннолетних — уже подвергается значительным ограничениям. И ему, и ей уже было неудобно встречаться так, как они это делали, когда были товарищами по детским играм.

²⁹ Т. е. родители перестали сопротивляться их союзу, и они стали мужем и женой.

³⁰ Комментаторская традиция уверяет, что кавалер, принужденный теперь заботиться о средствах к существованию, завел нечто в роде торгового дела, для чего и стал ездить в указанное место и там подолгу оставаться.

³¹ Т. е. в причёске, достойной только слуганок. Дамы того времени носили волосы распущенными по плечам с пробором посредине.

³² Гора по направлению из Коти в Киото, местожительство кавалера.

³³ Услужливый японский комментатор, претерпевший, повидимому, наилучших намерений, указывает, что, по обычаю и законам того времени, женщина, муж которой в течение именно трех лет не подавал о себе вестей, имела право выйти вторично замуж; это находилось в связи с невозможностью в те времена для женщины самостоятельного существования.

³⁴ Смысл этого стихотворения обычно толкуется так: «Луков всяких видов, сортов — очень много; каждый из них имеет свои достоинства. Так и мужчины: их тоже может быть несколько. Жила со мною, теперь живи с другим. Все в порядке вещей, — желаю тебе счастья». Таков наружный смысл стихов, — внутренний же заключает в себе упрек за непостоянство и вероломство, и упоминание о луках имеет другое значение: «Знай, как луков много, так много бывает и причин; и если я тебе не писал и к тебе не возвращался, значит не мог я, были на то причины».

³⁵ Как края лука, при натягивании его, сходятся друг с другом, так и мы, сойдемся вновь или нет, но только... и т. д.

³⁶ Стихотворение, построенное на непереводимой игре слов: слово «мирумэ» — морская трава из тех пород, которые употребляются в пищу и которые поэтому собираются рыбаками, — в то же время может означать «свидание»; и тогда слова далее означают: «Разве тебе не известно, что добиться свидания со мной, чего ты так желаешь, тебе не удастся? Чего ж ты понапрасну стараешься?»

³⁷ «В рукаве волнение», «рукав увлажнен» — обычные образы слез, отираемых рукавом... «Корабль китайский» — судно китайского типа, т. е. большое и приспособленное для больших плаваний, в противоположность примитивным в то время судам японской конструкции. Стихотворением своим кавалер хочет сказать, как тронут он был сочувствием друга к его горю и какие слезы — отчасти благодарности, отчасти скорби — при воспоминании о своей неудаче он пролил.

³⁸ Кавалер говорит здесь о водоеме по сходству умывальной лоханки с теми водоемами, которые устраивались среди межей на полях.

³⁹ Стихотворение, основанное на игре слов: слово «катами» — трудность — может означать также и «решето». Вода в этом последнем, разумеется, держаться не может. Кавалер хочет сказать, что, когда он с нею заключал любовный союз,

они ведь условились, что их любовь будет неизменной и всегда при них... а тут она вдруг ушла вся, как вода в решете.

⁴⁰ Место без комментариев непонятное. Считают, что дама, повидимому покинутая кавалером, хотела своими словами сказать: «Хорошо, хорошо! Ты бросил меня, — но я мстить тебе не буду; я буду лишь ждать, как ты неминуемо попадешь в беду с твоим вероломством и погибнешь, как погибает листва у растений от инея и мороза».

⁴¹ Конец этой фразы подразумевается: «Но только — ответа стихотворного ему, как то следовало бы, не послала».

⁴² Смысл стихотворения заключается в том, что он хочет сказать ей образом «бесконечной лианы», как бесконечна его любовь к ней и как ему — в противоположность ей — и в голову не приходит мысль о разлуке, о разрыве.

⁴³ Намек на буддийское верование о продолжении жизни после физической смерти.

⁴⁴ Надо полагать, что героиня этого эпизода была чем-то в роде служанки в доме юноши; отсюда и предыдущее замечание: влюбился в женщину, дурного ничего собой не представляющую, т. е. ничего особого в ней не было, но и дурного — как можно было бы ожидать у женщин «низших сословий» — также не замечалось.

⁴⁵ Т. е. слугам, которые отводили ее на новое местожительство и теперь возвращались обратно.

⁴⁶ Специальное указание на время сделано с той целью, чтобы оттенить заботливость дамы: наступал новый год — один из главнейших праздников в Японии, — и ей хотелось облачиться с мужем в этот день во все чистое.

⁴⁷ Такое отчаяние, надо полагать, вызывалось отсутствием смены одежд: сколько-нибудь хорошее платье у нее было одно.

⁴⁸ Т. е. то, что в сущности той не годилось; но он, не вдаваясь в это, схватил, что попало под руку, желая скорей ее утешить. Одежда эта была, надо думать, лилового цвета, отчего зависит образ фиалки в последующем стихотворении.

⁴⁹ Т. е. «в сильной любви к жене своей, я не делаю различия между ней и ее родными».

⁵⁰ Замечание это, по всей вероятности, вставка позднейшего комментатора. В нем приведенное выше стихотворение ставится в связь с известным стихотворением:

«Из-за фиалки,
только одной лишь —
на поле Мусаси
все травы
кажутся дивными мне».

Это стихотворение по своему содержанию тождественно с предыдущим.

⁵¹ Действия кавалера объясняются тем, что, поднеся другу в подарок женскую одежду, он находит уместнее делать все от имени жены. И последующее стихотворение также говорится им за свою жену.

⁵² Стихотворение, в сущности, не переводимо, так как основано на игре слов: «мо» по-японски означает и «одежды», и «скорбь - траур». «Снять одежду» получает вследствие этого смысл: «избавиться от скорби и траура», и в переносном значении от несчастья вообще. Отсюда благознаменательный для отъезжающего смысл всего стихотворения. Последние две строки имеют то значение, что благоприятное предзнаменование коснется и самого автора стихов, — и он будет свободен от скорбей, несчастий.

⁵³ Указание на любопытный обычай той эпохи: перед гробом умершего играли на инструментах, в надежде, как говорят, вернуть его к жизни.

⁵⁴ Повидимому, не по доброй воле, но получив служебное назначение.

⁵⁵ Слово «нуса», не имеющее соответствия в русском языке означает особый предмет, употребляемый при синтоистских ритуалах. Нечто в роде палки с прикрепленными к ней лоскутками бумаги или ткани. «Большая нуса» — нуса особой формы,

применяемая при обряде «великого очищения». Лоскутками этими подвергающиеся очищению гладят свое тело и затем выбрасывают их в реки, в море и т. п. Привешенные рядами лоскутки являются как бы руками этой пуса. Отсюда постоянные сравнения, особенно в поэзии, человека за все цепляющегося, непостоянного, — с такой большой пусы.

⁵⁶ Название музыкального инструмента в роде большой цитры.

⁵⁷ Стихотворение, конечно, с особым смыслом, построенным на игре слов: слово «нэ» — корень — может означать и ложе; «благородный» — может быть заменено в переводе словом «хороший», «приятный»; «младая травка» — употребляется метафорически в значении «новобранный», «новобранная».

⁵⁸ Смысл этих слов в том, что, несомненно, хризантемы цвести будут: ведь осень обязательно наступит. А если с наступлением зимы цветы и опадут, все же остаются надежды на будущее: ведь корни не засохнут.

⁵⁹ Упоминаемые пирожки представляют собой особо приготовленный рис, обернутый в широкие листья, — в настоящее время бамбука, тогда — болотных растений, в роде водяных кувшинок.

⁶⁰ Рукав служит для отирания слез. Кавалер хочет сказать, что, не встречаясь с ней наяву, он жадно увидит ее хоть во сне, — но и этого нет; оттого он и плачет даже во сне.

⁶¹ Игра слов, опять непередаваемая по-русски, но составляющая всю суть стихотворения: слово «варэкара» означает и «из-за себя», и служит названием червячка, живущего на водорослях. Все, что говорится об этом червячке, собственно, не имеет особого значения, но поставлено лишь по связи с образом червячка. Смысл же всего тот, что кавалер своей безалаберной любовью сам себя губит.

⁶² Слово «демон» не следует обязательно понимать в смысле ужасного существа, — оно приложимо, как и в новой этнографической терминологии, вообще к духам. Здесь по смыслу скорей — «милий демон».

⁶³ Стихотворение, конечно, шутливое, как и весь рассказ: подначивание друг над другом.

⁶⁴ «Гора Восточная» — Хингаси-яма в нынешнем Киото.

⁶⁵ «Река небес» — Мечный путь, — путь странствования души.

⁶⁶ Уса-Хатиман — бог войны синтоистического культа.

⁶⁷ Имеется в виду обычай хейанских дам носить свои длинные и широкие рукава надутыми.

⁶⁸ Цукуси — древнее наименование нынешнего острова Кюсю.

⁶⁹ Повидимому, место это надо понимать в том смысле, что кавалер, проходя по улице, услышал разговор за спущенными занавесками одного дома, — разговор, конечно, там и при этом касающийся его отличительного свойства.

⁷⁰ Река Сомегава — «окраски» — на о. Кюсю. Но дороге сюда кавалер должен был через нее переправиться.

⁷¹ Своим стихотворением он хочет сказать, что в такой своей репутации он лично не виноват: наоборот, здесь, повидимому, такие нравы, и на него лишь переносят общий признак.

⁷² Дама хочет убедить его в обратном. Если бы все соответствовало своему имени, то, конечно, он должен был бы окраситься, перейдя реку Сомегава, т. е. рассматриваться с точки зрения обитателей этих мест. Но, однако, такого соответствия с именем нет, — пример «остров забавы», — и виноват в своей репутации исключительно он сам.

⁷³ Т. е. не носила их открытыми и распушенными, что ей мешало бы при исполнении ее обязанностей служанки, но, скрутив их вместе, обернула фуляром.

⁷⁴ Эпизод настолько сжато обрисованный, что понимание его очень затруднительно. Скорее всего можно принять то толкование, по которому действие здесь происходит, таким образом: в те времена существовал обычай, в случае заинтересованности кем-нибудь, сначала испытать это лицо анонимным письмом с соответствующим содержанием; так, появи-

димому, случилось и здесь. Дама, желая впоследствии завязать любовную интригу с кавалером, послала ему такое и, может быть, не одно письмо, но дальше этого не шла. Тот же, будучи этим сильно заинтригован, досадовал на то, что не знает, где она. Возможность все же снестись с ней письменно объясняется, конечно, тем, что ее письма доставлялись ему особым посланцем, который брал от него и ответы для нее, не открывая в то же время ни имени дамы, ни ее местожительства.

⁷⁵ В те времена лица, имевшие какое-либо отношение ко двору и официальной службе, носили особые, так сказать, форменные одежды, цвет которых, как и покрой, и узор, был строго определен. В данном случае император, надо думать, в знак особой милости позволил даме носить какие-нибудь особые красивые цвета одежд, независимо от ее ранга и положения.

⁷⁶ Т. е. из фамилии Аривару.

⁷⁷ Т. е. разрешалось посещение тех комнат дворца, которые были предназначены для женщин: это объяснялось юным возрастом героя.

⁷⁸ Дама хочет сказать, что он своим поведением, своей столь явной к ней привязанностью компрометирует и ее, и себя, и это может очень печально отозваться на судьбе как одного, так и другой.

⁷⁹ До сих пор, как оказывается, их встречи имели место в общих покоях; теперь же она, предполагая, что он постесняется идти за нею в ее личные помещения — видимо спальною, — решила туда скрыться, но напрасно.

⁸⁰ Здесь рисуется то ложное положение, в которое попал герой. Служил он и жил во дворце, но каждую ночь уходил в дом дамы. Рано утром, пока еще все спали — кроме дворцовых слуг, которые под присмотром управляющего производили уборку, — он спешил к себе и принужден был сам снимать с себя обувь: слуг неудобно было звать или брать с собой; а затем, чтоб уборщики подумали, что он был на ночной страже во дворце, нарочно ставил свою обувь в то место, куда ставила ее стража.

⁸¹ «К богам» — т. е. к божествам религии Синто, в противоположность последующим «буддам» — божествам буддийским.

⁸² Это указание дает возможность предположить, что героиня, однажды, желая во что бы то ни стало избавиться от преследований настойчивого и неотвязного кавалера, бежав из дворца к себе домой, через некоторое время опять вернулась на службу ко двору.

⁸³ Опять, как и в эпизоде 56-м, все построено на игре слов: слово «варакара» — означает и «из-за себя», и служит названием морского червячка (ср. эпизод 56-й, примечание 61).

⁸⁴ Место, звучащее очень странно: возможно ли, во-первых — каждую ночь являться из места ссылки к дому дамы, — а во-вторых: возможно ли самовольно уходить оттуда? Конечно, здесь несомненная натяжка автора ради эффектного положения в эпизоде. Но все-таки необходимо иметь в виду, что ссылка в то время могла означать простое удаление от двора, без лишения свободы и в очень недалекую от столицы местность.

⁸⁵ «Леса из цветов» — деревья в снегу, красоте которых завидуют облака.

⁸⁶ Т. е. лучше всего, лучше даже осенних красот, когда пролетают караваны диких гусей, когда цветут хризантемы, — побережье Сумбеси весной.

⁸⁷ По той причине, что услышанное стихотворение показало всем настолько прекрасным, что никто не отважился выступить со своим.

⁸⁸ В то время центральное правительство в Киото периодически командировало в провинцию особых «послов», называемых «охотничьими». На обязанности их были отчасти осмотр охотничьих дворцовых дач, главным же образом ознакомление с административной деятельностью правителей.

⁸⁹ В числе служителей знаменитых храмов, помещавшихся в этой провинции, бывали представители царствующего дома.

⁹⁰ Любовный кодекс Хейана требовал обязательно обмена стихотворениями после ночного свидания. Ему первому это

было сделать неудобно, так как положение ее особенной огласки не допускало.

⁹¹ Эпизод находящийся в ближайшей связи с предыдущим. Посол уже на обратном пути из Овари в столицу—вновь проезжает через провинцию Исе и останавливается здесь на ночлег в местности Оёдо. Тут его встречают и за ним ухаживают посланды от принцессы-жрицы, той самой, с которой у него была недавно, оказавшаяся столь мимолетной, встреча. Среди них был и тот отрок, с которым приходила она к нему в ту достопамятную ночь. При виде его у кавалера поднялись воспоминания о бывшем и вновь загорелось желание увидеть ее. Отсюда приведенное стихотворение, обращенное к отроку.

Смысл стихотворения иносказателем целиком и весь уясняется из опять-таки непередаваемой игры слов: «мирумэ» — «морская сосна», род съедобных водорослей, собираемых (жать) рыбаками, и в то же время — «свидание»; слово «кару» — «жать», и в то же время «быть разлученным». Скрытый смысл стихов заключается в следующем: рыбак знает хорошо, где растут водоросли «морская сосна»; на своей лодке, сдвигая ее веслом, он всегда может добраться до них; отрок живет в доме принцессы, и он всегда может ее увидеть. Не может ли он как-нибудь научить и его добраться до того места, с которым он теперь разлучен?

⁹² Повидимому, одна из свиты принцессы.

⁹³ Т. е. не в качестве посланной от госпожи своей, но хлопотавшая уже за себя лично.

⁹⁴ Стихотворение, имеющее и буквальный смысл, так как она тоже нечто в роде жрицы, и иносказательный, а именно: «запретная ограда богов» — это связь посланца с самой ее госпожой; она рискует этим своим выступлением навлечь на себя ее гнев, но удержаться не может. «Потрясающе-стремительных» — перевод многосмысленного японского слова «тихаяфуру», служащего постоянным поэтическим эпитетом к слову божество.

⁹⁵ Все стихотворения этого эпизода почти не переводимы

во всей полноте своего смысла на какой-либо другой язык: настолько все здесь построено на игре слов, и так много слов и целых выражений находится в зависимости от этой игры. Здесь дан перевод лишь внешнего, прямого смысла стихов,—иной же, скрытый за словами или находящийся в тех же словах, остается только объяснить.

Пусть читатель прежде всего вспомнит то, что слово «морская сосна» — род съедобной водоросли, по-японски «миру» (или «мирумэ»), см. примечание к эпизоду 69 — означает в то же время «свидание» и что поэтому всюду, где в стихах стоит слово «морская сосна», следует понимать именно «свидание». Подставив это и приняв во внимание, что все упоминания о побережье, о рыбаке и т. п. находятся в стихах лишь по связи с образом «морской сосны» и самостоятельного значения не имеют, можно уяснить без особых трудностей основной для этих взаимных переговоров в стихах — смысл. Необходимо только добавить, что слово «раковина» в третьем стихотворении — японское «каи» — означает также «польза, пригодность, удовлетворительность». Кроме всего этого образ «сосны морской» зависит от того, что дама эта живет в местности Оёдо, — т. е. у самого моря, где растет много таких водорослей.

⁹⁶ Внешний смысл стихотворения, конечно, очень понятен: здесь растущая у древнего святилища сосна — наверно очень старая — могла естественно навевать мысль, что она должна помнить еще то время, когда боги жили на земле, — эпоху золотого века. Но не в этом смысле дело: кавалер хочет сказать, что сегодня, получив от нее знак особого внимания, он вспоминает то золотое время, когда они были счастливы, когда ничто, в том числе ее новое высокое положение, тогда отсутствовавшее, — не мешало их любви. Дама этого эпизода, вероятно, героиня первых повествований — эпизодов 4, 6 и 7.

⁹⁷ Существует указание, что в ту эпоху подносимый предмет прикрепляли к ветке дерева, и на ней его протягивали, кому нужно, подобно тому, как теперь подают на подносе.

⁹⁸ Горы в Японии большей частью покрыты густыми лесами.

⁹⁹ Удайсё — нечто в роде генерала. Цунэюки был братом умершей и распоряжался похоронами.

¹⁰⁰ Т. е. он предпочитал взять другую тему.

¹⁰¹ Удайсё — звание, см. предыдущий эпизод, примечание 99).

¹⁰² Согласно комментаторской традиции — в местожительство отца Цунэюки.

¹⁰³ Разумеется, для поднесения микадо. Такие камни употребляются в Японии для устройства различных прихотливых украшений в садах.

¹⁰⁴ Имеются в виду особые украшения садов.

¹⁰⁵ Т. е. у женщины, принадлежащей к какому-то роду и бывшей женой или наложницей императора, родился от него сын.

¹⁰⁶ Намек на новорожденного принца, который станет покровителем всего рода своей матери.

¹⁰⁷ Условное обозначение: имеется в виду здесь, повидимому, кавалер — главный герой большинства эпизодов; к тому же и японское слово «окина» — буквально «старец» — может прилагаться вовсе уж не к столь почтенным по возрасту людям.

¹⁰⁸ Т. е. в соответствии со своим «ничтожеством» не имевший права войти в помещение, но бродивший внизу той галереи, которая окружала центральное, устланное циновками место. Все это, конечно, — совершенно условное повествование.

¹⁰⁹ Намек все на того же вероятного автора всего произведения — Аривару Нарихора.

¹¹⁰ Появление здесь разговора об охоте несколько неожиданно. Можно было бы при переводе этого избежать, так как слово «кари» — охота — означает также пикник, экскурсию с целью любования прелестью цветов. Но названия местностей, идущих дальше, заставляют думать, что все же вся компания

занималась и охотой — соколиной, по всей вероятности: эти местности были знамениты именно такой охотой и составляли охотничьи угодья двора.

¹¹¹ Специальное указание на «танка», так как мужчинам более приличествовало бы писание китайских стихов.

¹¹² «Река небес» — название Млечного пути. С нею связан миф о двух созвездиях — «Ткачихи» и «Волопаса», которые, находясь по разным сторонам Млечного пути, раз в год близко подходят друг к другу, что дает повод к неисчерпаемым сравнениям, уподоблениям, повествованиям — особенно в области эротики. Последующие стихи имеют в виду именно этот миф.

¹¹³ Не мог или потому, что не сумел сложить удачное стихотворение, или же просто в виду сильного опьянения.

¹¹⁴ Помимо явного смысла, стихи эти намекают на принца и дают ему понять, что всем присутствующим его уход спать к себе представляется слишком ранним, они еще не успели вдоволь насладиться его обществом.

¹¹⁵ Причина, почему и здесь пришлось Аридунэ выступить за принца, разумеется, объяснений не требует.

¹¹⁶ Здесь имеется в виду обычай одарять гостей на пиршестве каким-нибудь предметом, чаще всего произведениями искусства, на память.

¹¹⁷ Кавалеру кажется очень подозрительным поведение принца, так необычно задерживающего его; ему кажется, что у того что-то есть на сердце, и он невольно начинает беспокоиться. Это беспокойство вскоре и оправдалось: с принцем что-то произошло недоброе, здесь не называемое, и он постригся в монахи.

¹¹⁸ Повидимому принцу Коретака предстояла иная судьба, может быть даже престол, но что-то помешало, и он так кончал свои дни в забвении и печали.

¹¹⁹ Вероятно, тот же принц Коретака.

¹²⁰ Принцу, как монаху, не пристало, вообще говоря, употреблять вино; здесь он делает исключение для января — т. е. новогодних празднеств.

¹²¹ Кавалер хочет сказать, что ему пришлось бы разделить на двоих: с одной стороны быть на службе во дворце, с другой — здесь с принцем. Первого нельзя избежать, ко второму влечет желание. И вот как раз, словно зная его затаенные желания, выпало так много снега, что пройти ему уж не удастся и он сможет с принцем.

¹²² «Сговорился», — т. е. обручился, — оба дали друг другу клятву впоследствии соединиться.

¹²³ Вероятно потому, что от родителей нельзя было ожидать согласия на их брак.

¹²⁴ Кавалер этими стихами хочет сказать, что за время их разлуки дама успела уж многое пережить, у ней уж бывали другие привязанности, и нечего теперь вспоминать о том, что было с ними тогда, в юные их годы.

¹²⁵ Известный в Японии водопад Нунобики — «распростертый холст».

¹²⁶ Очень маленький, величиной почти с каштан, плод, похожий строением на апельсин.

¹²⁷ Т. е. слез моих, или этих капель, что текут перед глазами.

¹²⁸ Кавалер хочет сказать, что он желал бы, подставив свой рукав, набрать этих сыплющихся перлов, но, к сожалению, — узок его рукав. Комментарийская традиция ставит это последнее выражение в связь с предыдущим замечанием: «Этот кавалер имел кое-какую службу при дворе»... и находит, что здесь автор хотел в присутствии своих друзей, занимавших уже довольно высокое положение, подчеркнуть свое ничтожество по сравнению с ними.

¹²⁹ «Смешно им стало, что ли»... — следует понимать, как выражение скромности автора: присутствующие так восхились его стихотворением, что у них не хватило смелости с ним соперничать.

¹³⁰ Нечто в роде «министра двора».

¹³¹ Ловля рыбы на свет, с факелами.

¹³² Опять проявление скромности, паче гордости. С точки

зрения японской поэтической техники стихотворение это совершенно безукоризненно.

¹³³ Ладья без перекладки, т. е. очень маленьких размеров.

¹³⁴ Стихотворение построено на мифе о любви двух созвездий — Ткачихи и Волосаса, которые, находясь по разные стороны Млечного пути, не могут соединиться.

¹³⁵ Игра слов: «э» — мелкий ручей и любовный союз. Как мелкий ручей осенью бывает весь засыпан листьями и гибнет, так и наша любовь погибла теперь.

¹³⁶ При молитве богам в ладоши ударяют перед собой, при заклинаниях — за спиной.

¹³⁷ Как было уже указано раньше, в те времена, при поднесении чего-нибудь высшему, подносимое прикрепляли к ветке, как теперь кладут его на поднос.

¹³⁸ На состязания эти обыкновенно собиралось много зрителей и из них знатные — в экипажах, тем более дамы. Здесь кавалер подсмотрел, как из-под опущенной занавески экипажа, стоящего напротив его собственного, выглядывает лицо дамы, старающейся рассмотреть то, что происходит.

¹³⁹ Поступок дамы здесь объясняется ее желанием узнать: забыл ли он ее, которую любил прежде, чем она сделалась любовницей микадо, или же только затаил свою любовь, держит ее втайне.

¹⁴⁰ Сатюбен — название одного из высоких чинов того времени.

¹⁴¹ Все построено на игре слов: слово «Фудзи» — глициния — является фамильным именем рода Фудзивара («поле глициний»), т. е., говоря о глициниях, он тем самым говорит об этом роде. В тот же момент первым кандлером был именно глава этого рода, и весь род находился в апогее своего могущества.

¹⁴² Для людей Хейана, тех, которые принадлежали к образованному, по тогдашним понятиям, кругу, — главным образом к придворным, — умение слагать стихи подразумевало знание света, т. е. знание сложных общественных взаимоотношений, людских переживаний, чувств и т. п.

¹⁴³ Подобно горным феям, просветленным отшельникам и т. п.

¹⁴⁴ Сон вместе с тобою оставляет все время в душе чувство безутешное: так быстро летят его часы; казалось, ничего не могло бы быть печальней этого, а вот оказалось, что сон без тебя — еще безутешней, — хочет сказать автор.

¹⁴⁵ «Угостит морской травой», т. е. съедобными водорослями — предметом рыбачьего промысла. Стихотворение все построено на игре одинаково звучащих в японском языке слов: «рыбак» — монахиня, «море» — отвращаться от мира, «морская трава» — глаз, свидание. Получающийся второй смысл стихотворения ясен, особенно если привести его в связь с предыдущим замечанием: «к вещам интерес все ж был у нее».

¹⁴⁶ От большого количества красных кленовых листьев, частью упавших в реку, частью отражающихся в ее водах.

¹⁴⁷ Скала — несмотря на все волны — остается сухой; рукав же дамы все время влажен от слез, льющихся беспрерывно благодаря жестокости кавалера.

¹⁴⁸ Кавалер имеет в виду свои слезы, которые он будто бы льет неустанно из-за ее жестокости.

¹⁴⁹ Кавалер хочет сказать, что его друг ошибся: он считал, что к цветам, так скоро осыпающимся, нужно относиться в первую очередь с любовью и нежностью. А вышло наоборот.

¹⁵⁰ Ворование того времени: при виде духа, привидения, которое могло быть душою человека, временно покинувшей его тело, увидевший спешил завязать подол своей исподней одежды; считалось, что этим путем можно вернуть душу обратно в тело и тем спасти человека от смерти.

¹⁵¹ Намек на поговорку — поверье того времени: если мужчина очень любит женщину, у той сами собой распускаются завязки ее нижнего платья.

¹⁵² Дама хочет сказать, что ему нечего и обращать ее внимание на такую возможность: этого не будет, потому что он ее вовсе не любит, а только так говорит.

¹⁵³ Т. е. выполнял обязанности, которые обыкновенно лежали на юношах и которые раньше выполнял и он.

¹⁵⁴ Кавалер хочет сказать, что так как жить ему, может быть, уже недолго, то он может позволить себе эту последнюю радость — послужить микадо, как встарь, в дни своей юности «Сегодня только» — так, по мнению кавалера, кричат цапли, преследуемые соколом, зная, что им наступает конец.

¹⁵⁵ Т. е. то место стихотворения, где говорится о крике цапли.

¹⁵⁶ Т. е. устроить проводы, прощальную трапезу вдвоем.

¹⁵⁷ И немудрено, — настолько искусно сделано это стихотворение, целиком построенное на игре слов — образов: «Окинои» — сильное пламя и собственное имя — общее название местности, где все это происходит; «Миякодзина» — название самых мест проводов и также — остров столицы — столица. «У самой Миякодзина» — перед самым его отъездом в столицу.

¹⁵⁸ Комментаторская традиция хочет понимать эту приписку, может быть даже и не принадлежащую самому произведению, в том смысле, что кавалер, до сего времени не оценивавший своей подруги по достоинству, теперь в отдалении от нее, вновь загорелся к ней любовью.

¹⁵⁹ Знаменитая в японской поэзии и легенде сосна.

¹⁶⁰ Т. е. с того момента, как она начала расти здесь.

¹⁶¹ «Ты» — этих стихов — император, находящийся, следовательно, под особым покровительством божества. Все стихотворение носит благознаменательный характер, суля микадо долгую, как возраст этой сосны, жизнь.

¹⁶² Дама хочет сказать, что за время их разлуки кавалер успел уже столько раз сблизиться с другими женщинами. Эпитет «жемчуг» к слову плещ — частый украшающий эпитет в поэтическом языке.

¹⁶³ Т. е. предметы, оставленные кавалером на память о себе.

¹⁶⁴ Недоумение читателя несомненно. Дело в том, что по обычаю того времени, как уверяют комментаторы, во время

празднества в храмах указанной местности присутствовавшие женщины — члены этой общины — носили при себе столько котлов или сковород (набэ), сколько мужчин они знали в течение своей жизни. Кавалер, сначала считавший свою даму совершенно неопытной в делах любви и жестоко разочарованный в своем доверии, теперь ударяется в противоположную крайность, подозревая ее в многочисленных связях.

¹⁶⁵ Ответ, построенный на игре слов: «омои» — любовь, а «и» (хи) означает кроме того — пламень, огонь. Стихотворение — достойный ответ на затрагивание, чуть насмешливое, кавалера.

¹⁶⁶ При чем здесь первые три строчки, — скажет недоуменный читатель. Дело опять объясняется игрой слов: «таноми» — пить, зачерпнув ладонью, и, с другой стороны — вера, надежда... Отсюда все то, что стоит до слова «веры», — только лишь замысловатое введение — определение к слову «таноми» в его первом смысле, — а последующее примыкает к нему же уже во втором смысле.

¹⁶⁷ «Но что это будет сегодня или завтра» — сказали бы мы на месте автора-японца.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие <i>Н. Конрада</i>	7— 35
Иса-Моногатари	37—145
Примечания	147—168

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Г. д'Аннунцио — „Ноктюрн“, ц. 1 р.
 П. Бенуа — „Атлантида“, роман, ц. 40 к.
 „ — „Дорога гигантов“, роман, ц. 75 к.
 Г. Берстедт — „Александрсен“.
 А. Берио — „Страдания толстяка“, роман.
 С. Бржозовский — „Зарево“, роман из эпохи народовольцев,
 ц. 1 р. 25 к.
 Г. Верфель — „Человек из зеркала“, пьеса, ц. 60 к.
 К. Гамсун — „Соки земли“, роман, ц. 65 к.
 Г. Гауптман — „Зимняя баллада“, пьеса, ц. 33 к.
 П. Гзель — Беседы А. Франса, ц. 70 к.
 О. Генри — Рассказы, ц. 1 р.
 „ — „Короли и капуста“, роман, ц. 90 к.
 Р. Гольст — Лирические драмы, ц. 45 к.
 Ж. Дюамель — „Полуночная исповедь“.
 С. Лаперлев — „Гномы и люди“, рассказы, ц. 35 к.
 Р. Маран — „Батуала“, африканский роман, ц. 45 к.
 К. Мейринк — „Голем“, роман, ц. 70 к.
 М. Маркс — „Женщина“, роман, 50 к.
 М. Матерлинк — „Белая невеста“, пьеса, ц. 40 к.
 Д. Мэйзфилд — Пьесы.
 Папалаги.
 Папини — „Конченный человек“.
 Ж. Ромэн — „Доногоо-Тонка“, кинематографический ро-
 ман, ц. 25 к.
 Р. Роллан — „Кола Бреньон“, роман, ц. 70 к.
 „ — „Пьер и Люс“, роман, ц. 35 к.
 „ — „Клерамбо“, роман, ц. 1 р.
 „ — „Аннет и Сильвия“, роман, ц. 55 к.
 Дж. Синг — „Герой“, пьеса, ц. 55 к.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

- Э. Синклэр — „Сто процентов“, роман, 75 к.
 „ — „Ад“.
 Струи — „Деньги“.
 Г. Уэллс — „Неугасимый огонь“, роман, ц. 40 к.
 Ф. Унру — „Род“, „Площадь“, пьесы, ц. 1 р. 10 к.
 А. Франс — „Жизнь в цвету“, роман, ц. 80 к.
 Л. Франк — „Человек добр“, роман, ц. 65 к.
 Л. Фульда — „Тень осла“.
 К. Штернейм — „Четыре новеллы“.
 К. Эдмидт — „Шесть притоков“, новеллы, ц. 60 к.
 „ — „Тимур“, рассказы.
 Экспрессионизм — Сборник статей, с иллюстрациями, ц. 1 р. 40 к.

Цены обозначены в червонцах по курсу Госбанка.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

- Г. Клейст — Собрание сочинений, т. 3.
 Стендаль — „Пармский монастырь“, ч. II.
 Вольтер — „Орлеанская дева“.
 Э. Синклэр — „Испытания любви“.
 Монголо-ойратский эпос.
 Шо — „Назад к Мафусайлу“.
 Гауптман — „Анна“.
 Берстедт — „Праздник Иоргена“.
 Г. Уэллс — „Рассказы о времени и пространстве“.
 К. Эйсер — „Испытание богов“.
 Э. Гофман — Собрание сочинений, т. I.
 Грильпарцер — Пьесы.
 Эса де-Кэйрош — Рассказы.
 Богаевский — „Эгейская культура“.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ВЫШЛИ В СВЕТ

издаваемые „ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ“ журналы:

„СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД“

книги 1-я, 2-я и 3-я.

Под редакцией Е. И. Замятина, А. Н. Тихонова, К. И. Чуковского и Абр. Эфроса.

Печатается № 4-й.

„ВОСТОК“

книги 1-я, 2-я и 3-я.

Под редакцией академика С. Ф. Ольденбурга, академика И. Ю. Крачковского, профессора В. М. Алексеева, профессора Б. Я. Владимирцова и А. Н. Тихонова.

Печатается № 4-й.

**ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВА:**

МОСКВА, Ильинка, Биржевая пл., Богоявленский пер., 4.
ПЕТРОГРАД, Проспект 25-го октября (Невский), 28.

МАГАЗИНЫ ТОРГСЕКТОРА:

В Москве: 1) Советская площ., под гост. „Дрезден“, тел. 1-28-94.
2) Моховая ул., под гост. 6. „Националь“, тел. 1-31-50. 3) Ул. Герцена (Б. Никитская), 13, зд. Консерватории, тел. 2-64-95. 4) Никольская ул., д. 3, тел. 49-51. 5) Серпуховская пл., 1/43, тел. 2-84-82.
6) Кузнецкий мост, 12, тел. 1-01-35. 7) Лялинский пер., 11.
8) М. Харитоньевский пер., 4. **В Петрограде:** 1) Проспект 25-го октября (Невский), 28. 2) Ул. Володарского (Литейный пр.), 21.
3) Проспект 25-го октября (Невский), 13.